

Марина Ефиминюк

Магические узлы

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

У людей разные таланты. Кто-то прекрасно говорит на эльфийском, другие отлично продают косметические притирки «Веселена Прекрасная», а я на уровне гения попадаю в неприятности. Ведь найти в кармане пальто браслет, когда-то принадлежавший Гориану Менскому, самому страшному чернокнижнику столетия, большой удачей вряд ли назовешь. В спину летят боевые шары, жизнь висит на волоске, а друзья оказываются предателями! Но, возможно, тот, кого я считала злейшим врагом, поможет мне? Сумеет ли он защитить, сделать так, чтобы браслеты Гориана не стали моими смертельными оковами?

Марина Ефиминюк

Магические узы

© Ефиминюк М. В., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Глава 1

Последний день обычного клерка

Весенний Ветих просыпался, стряхивал последние капли предрассветной ленивой дремоты. На перекрестках, выпуская облачка зеленоватого дыма, нетерпеливые автокары^[1] дожидались разрешительных сигналов световых фонарей. В небе лениво крутили лопасти винтов вальяжные дирижабли и доставляли жителей спальных районов в деловой центр.

Каждое утро я мечтала плавать в кудрявых облачках, с комфортом подремывая в удобном кресле, но мое жалованье конторского клерка подобной роскоши не позволяло, а потому приходилось преодолевать испытание переполненным трамваем. Не то чтобы я жаловалась, но когда, как сегодня, толпа прижимала меня к пышной груди высокой дамы-тролля в розовой кофточке, становилось как-то очень некомфортно.

По видению каждый день без устали повторяли, что люди расплодились и притесняют другие расы. Особенно громко об ущемлении прав заявляли утопающие в роскоши эльфы, никогда не знавшие черной работы и наверняка постоянно летавшие на личных дирижаблях. Однако в трамвайной толкучке мне казалось, что притесняют, причем и в прямом, и в переносном смысле этого слова, исключительно меня – худенькую барышню среднего роста в неудобных туфлях и узкой юбке.

Наконец мы остановились напротив большой площади, где многоликий океан тек к каменной башенке городской подземки, над крышей которой светилась строгая литера «П». Народ качнулся. Я в последний раз уткнулась носом в низкое декольте соседки и, пока не получила по лбу, ринулась через открытые двери на свежий воздух.

– Сегодня Мировой магический совет принимает закон о контроле над рождаемостью в человеческих семьях! – заорал в ухо усатый разносчик газет. Через его согнутую руку были перекинuty все еще пахнущие типографской краской газетные листы.

Непроизвольно я отшатнулась от крикуна, и тут же кто-то подленько наступил мне на задник туфли. Стоило оглянуться со свирепым видом, как взгляд уткнулся в знакомую розовую кофточку. Дамочка-тролля, определенно желая поскандальить, многозначительно изогнула выщипанную бровь. К сожалению, мы находились в «разных весовых категориях», как сказал бы мой отец, бывший страж, вышедший в отставку по выслуге лет. В общем, ход и итог поединка легко предсказывались.

– Ничего страшного, – фальшиво улыбнулась я.

В подземке гуляли сквозняки, пахло сыростью, все вокруг пропитал прогорклый запах угля. Изнутри станция напоминала сумрачную сводчатую пещеру. На самом видном месте в воздухе мерцал морок большого магического экрана со сводкой погоды в тоннелях и на платформах.

«Уважаемые пассажиры! Будьте осторожны! Сегодня густой туман!» – гласили крупные светящиеся буквы. Ниже шла мелкая строчка: «Приносим свои извинения за доставленные неудобства!»

Мысленно я добавила: «А также за сломанные каблуки, порезанные гоблинами-карманниками сумки и травмированные ноги, потому что мы не успели убрать после вчерашнего камнепада».

Впрочем, туман был предпочтительнее отключения света – оно стихийным бедствием

грянуло в понедельник. В то черное утро яркие магические огни безуспешно заменили факелами, но темнота исключительно пагубно сказалась на моем имуществе суммой в десять целковых.

На платформу народ спускали лифтовые кабинки, похожие на клетки с деревянными лавками. Заскочив в одну из них, я получила чувствительный удар дверью по мягкому месту и, охнув, плюхнулась на скамью рядом с аггелицей. Пассажиры тесной кабинки отчаянно делали вид, что близость опасного создания их нисколько не смущает, но в воздухе все равно ощущалась нервозность.

После Мировой войны аггелы^[2], обладатели магии огня, превратились в изгоев. Их боялись, сторонились и еще в детстве клеймили особой печатью, перекрывающей магический дар. Чтобы не было повадно выступать на стороне зла, в смысле на стороне Черного диктатора.

Исподтишка я покосилась на соседку. Красная кожа, желтые глаза с кокетливыми стрелочками. Из-под густых каштановых прядей высывались маленькие круглые рожки. Длинные пальцы с черными от природы ногтями выстукивали по стигу руки какой-то мотивчик. Модный узкий пиджак вызывал зависть, только вот гладкий хвост, обернутый вокруг руки, смущал. Не то чтобы я против хвостов...

Видимо, нервы у нее были покрепче многих. Она будто бы не замечала коллективной оторопи курятника, состоящего из приличных фейри, и с непроницаемым видом рассматривала на стене морок улыбчивой нимфы, рекламирующей карту сберегательного банка.

Клетка между тем дернулась, и мы ухнули в пропасть. Застонали тросы. От стремительного падения подвело живот, растрепались волосы.

Внизу разливался молочно-белый туман, превращавший подземелье в сумеречный мир. Пассажиры стали походить на бестелесных призраков, побледнели краски. То и дело кто-нибудь спотыкался и с головой нырял в густую туманную завесу. Потом выныривал, с дурацким видом оглядывался вокруг, поспешно оправлял одежду.

Кабинка с грохотом остановилась, и меня вместе с остальными поглотил туман. От царивших вокруг серости и сырости народ пребывал в угрюмом настроении. Доковыляв до платформы, я остановилась рядом с представительным троллем с развернутым газетным листом в руках. Не справившись с соблазном, заглянула в чужую газету и поискала результаты ежегодного конкурса менестрелей «Город-виденье». Судя по деликатному молчанию прессы, Ветих снова оказался не у дел. Зато первая полоса кричала крупным заголовком: «На Мировом аукционе будет продан браслет Черного диктатора!»

«Черным диктатором» называли чернокнижника Гориана Менского, из-за которого чуть больше века назад началась Мировая война. Противостояние между расами длилось около семи лет и унесло жизни миллионов ни в чем не повинных фейри. Оно же стерло границы между государствами и на долгие годы загнало аггелов в закрытые резервации.

Вдруг туманная платформа взорвалась возмущенными возгласами и неясным движением. Краем глаза я заметила мужскую фигуру и намертво вцепилась в ридикюль. Однако случилось странное. Вместо того чтобы вырвать сумку, вор заключил меня в медвежьи объятия и крепко-накрепко прижал к себе. Его дыхание было частым и сиплым, сердце билось как набат. Секундой позже я полетела на ледяные плиты.

Ридикюль выпал из рук. Ослепнув от тумана, принялась ощупывать пол, пытаюсь его

отыскать, и схватила за чью-то лодыжку. Сверху испуганно ойкнули, а потом кто-то сжал мой локоть и заставил подняться. Вынырнув на поверхность туманной завесы, я едва не ревела от обиды.

– Вы в порядке? – Тролль протянул мне потерянную сумку. Застежка каким-то образом отлетела, и наружу вылезали милые девичьему сердцу мелочи, а еще забытые вчерашние бутерброды, завернутые в бумагу.

Я выразительно шмыгнула носом.

Наконец гул возбужденной публики перекрыл резкий визгливый свисток состава. В темноте вспыхнула яркая звездочка фонаря, и через секунду из черного тоннеля вырвался паровоз.

Подземный поезд остановился. Тролль помог мне подняться на подножку отделанного деревянными панелями вагона. Я сунула проводнику проездной билет и, рухнув на жесткую лавку, с досадой изучила приличную ссадину на коленке и порванные чулки.

Тут снова раздался чей-то вопль. В тумане по опустевшей платформе пронеслись стражи порядка. Проводник махнул машинисту, разрешая трогаться, и захлопнул дверь. Поезд дернулся, проехал пару саженей, а потом с толчком остановился, заставив пассажиров недовольно загудеть.

В оконце я увидела, что странного вора поймали. Его скрутил крепкий парень в вязаной шапке, натянутой до самых бровей. Преступник уставился прямехонько на меня и неожиданно подмигнул, словно у нас двоих имелся какой-то общий секрет. От удивления я даже рот открыла. Нахмурившись, парень в шапке непонимающе обернулся. От внимательного острого взгляда угольно-черных глаз сердце тревожно сжалось.

Шестым чувством я никогда не обладала, но даже мне стало ясно, что это крайне плохая новость. Просто отвратительная!

После такого потрясения опоздание в контору «Веселена Прекрасная» выглядело мелкой и незначительной неприятностью. Торопясь позвонить и рассказать о несчастье старшему брату Богдану, я резво выскочила из подземелья, напрочь позабыв про стертую пятку и разбитую коленку.

Вымощенная площадь с гранитным изваянием знаменитого поэта прямо перед конторой была наводнена клерками и зеваками. Между высокими башнями под оглушительным солнцем висел воздушный шар с расплывшимся изображением длинноволосой девицы, улыбавшейся со всех флаконов с притирками «Веселена Прекрасная».

Направляясь к зданию конторы, я вытащила из ридикюля коммуникатор, зеркальный приборчик величиной с ладонь с кривой трещиной поперек экрана. От прикосновения на зеркале вспыхнули крупные зеленоватые цифры.

– Богдан, – пробормотала, поднеся коммуникатор к губам.

Приборчик согласно запищал, набирая персональный номер брата. В зеркальце появилась подвижная физиономия тридцатилетнего мужчины. В серых глазах искрился смех. Рот изображения беззвучно зашевелился, пришлось прижать коммуникатор к уху.

С издевательской интонацией автоответчик голосом Богдана оповещал: «Сейчас я не могу ответить, оставьте свое сообщение, и я с вами свяжусь. Веда, если ты сейчас мне звонишь, не забивай эфир своими жалобами!»

– Не забивай эфир своими жалобами?! – возмутилась я автоответчику. – Истомин, ты сволочь! Меня толкнули в подземке. Я упала, разбила коленку и чувствую себя

отвратительно. Мне срочно требуется сочувствие, и если ты мне не перезвонишь, я не стану тебя жалеть, когда коленку разобьешь ты! Пока.

Я мстительно ткнула пальцем в экран и вошла в высокие двери родной конторы. Вход в здание иллюзорно казался свободным. На самом деле охрана внимательно наблюдала за холлом через магические шары, летавшие под потолком. Если гостю не выписывали пропуск, то его немедленно обездвигивали световым лучом, и парализованный бедняга стоял в нелепой позе до тех пор, пока страдальца не освобождала стража.

Помнится, какой-то шутник стер из базы все данные о начальнике нашего отдела. В одно прекрасное утро маленький аккуратный причесанный гном, неся в руках портфель, а в душе – непомерное эго, поднимался в собственную приемную. Тут-то его и нагнал злополучный луч! Шефа парализовало с занесенной над ступенькой ногой. Бешено вращая налитыми кровью глазами, он ждал освобождения, а мимо, стараясь подавить глумливый хохот, прошмыгивали клерки. Скандал вышел отменный. Позор шефа обсасывали месяца три, но потом умер хозяин конторы, и местные сплетники принялись перетирать подробности его похорон.

Портрет бывшего владельца конторы величественного эльфа Лосиана Толтеа как раз висел напротив входных дверей. Каждый раз, опаздывая, я ежилась под его укоряющим сердитым взглядом, косилась на старинные напольные часы с золотым маятником и старалась поскорее прошмыгнуть к мраморной лестнице на второй этаж.

В приемной отдела продаж за огромным, излишне пафосным для секретаря столом, восседала Лоритаурэлла Толтеа, приходившаяся бывшему хозяину племянницей и сосланная семьей нести трудовую повинность за бесконтрольные растраты семейных капиталов. (Я не знаю точно, но так поговаривали конторские сплетники). Закинув ногу на ногу, она качалась в кресле на колесиках и, беспрерывно жуя фруктовую смолу, разглядывала картинки в свежем каталоге мод.

– Лоритаурэлла! – громыхнул с потолка вопль большого начальника, и эльфийка наморщила носик. – Где позавчерашнее письмо в совет?!

Казалось, свирепый голос руководства бахнул с потолка и заставил меня съежиться. Однако Лори начальственный гнев несколько не расстроил. Она с индифферентным видом надула из жвачки розовый пузырь, а потом смачно его лопнула. Я же припустила в рабочую каморку, которую делила с полнотелой Жданой и субтильным юношей Здышко.

Втроем мы представляли собой заверченный набор конторских неудачников. Первая мучилась от сознания собственной красоты, второй от неуверенности, а третья, то есть я, страдала из-за жизненной неустроенности и до сих пор жила с родителями.

– Тебя побили? – приветствовал меня Здышко, выглядывая из-за магического экрана ноутбука.

– В подземке толкнули.

– Ты опоздала на полчаса, – заметил он.

– Точнее, на десять минут, – буркнула я.

Ждана здороваться не посчитала нужным. Опираясь локтями на крышку стола, она прижимала к уху коммуникатор и терпеливо внимала речи неизвестного собеседника. Нарумяненное лицо с густо подведенными бровями и карминовыми губами выражало неподдельную скуку.

Плюхнувшись в расшатанное кресло на колесиках, я быстренько дотронулась до блеснувшей пентаграммы на коробочке ноутбука. Со щелчком выдвинулся экран, на столе вспыхнула полупрозрачная клавиатура. На просветлевшем мониторе засветилась наша с

Богданом фотография, сделанная на одном из семейных сборищ. Выглядели мы весьма удрученными.

Ждана неожиданно широко зевнула, забыв прикрыть рот, и заявила во всеуслышание:

– Ни слова не понимаю.

Мы со Здышко с изумлением уставились на нее.

– Чего вытаращились? – протянула девица, откинув за спину длинную пшеничную косу. – Она на эльфийском болтает, а я в квэньи ни бе, ни ме, ни кукареку.

– А чего ж ты ее слушала? – изумился любивший порядок педантичный Здышко.

– Да что ж мне, жалко, что ли? – пожала полными плечами Ждана. – Пусть себе пощебечет, сердешная.

Здышко с подозрением покосился в мою сторону:

– Истомина, а не в твоём резюме упоминался эльфийский язык?

Возникла странная пауза. На лице Жданы расцвела крокодилья улыбка.

– Давай сюда, – недовольно пробормотала я, протягивая руку за коммуникатором.

После Мировой войны и воссоединения народов в обиход для простоты ввели межрасовый язык. На нем теперь изъяснялся весь цивилизованный мир, но все равно лицеистов обучали второму наречию одной из рас. Квэньи для меня выбрала мама. Она представляла, как на шумном семейном празднике я встану на шаткую табуретку посреди гостиной и во весь голос исполню протяжную эльфийскую балладу, так сказать, в оригинале. Мое выступление, по ее разумению, было обязано разжечь в родственниках черную зависть. К счастью, музыкального провала так и не случилось, но детство и отрочество маменька испоганила мне начисто. Как выяснилось, произносить певучие протяжные звуки для человека с полным отсутствием музыкального слуха – гоблинская пытка.

В зеркале коммуникатора отразилось покрасневшее от досады лицо эльфийки.

– Суилад, – страшно гнусава, выдохнула я.

– А? – явно опешила собеседница моему исковерканному «здравствуйте».

– Иня хлар, – покосившись на заинтересованных переговорами коллег, смущенно пробормотала я. Мол, слушаю.

– Девушка, – с легким протяжным акцентом не выдержала эльфийка, – я что-то не пойму. Вы на каком наречии со мной разговариваете?

Сдавленно кашлянув, я понижее опустила голову.

– Я звоню по поводу проданной мне бочки «Вечной молодости»... – запела эльфийка.

– Секундочку! – тут же перебила я собеседницу и обратилась к Ждане, выжидательно упершей руки в бока. – Тут на межрасовом заговорили. Это по поводу «Вечной молодости».

Коллега моментально замахала руками, отказываясь от продолжения беседы.

– Нет уж! – прошипела я, прижав коммуникатор к груди. – Ты продавала эту гадость, теперь расхлебывай!

– Почему я? – зашептала Ждана, выкатив большие голубые глаза.

– Потому что премию от продаж начислят тебе!

– Или штраф, – меланхолично протянул Здышко, что-то внимательно изучавший на экране ноутбука.

Когда Ждана забирала трубку, ее руки заметно дрожали. Прежде чем ответить, она на секунду прикрыла глаза и коротко выдохнула.

– И снова здравствуйте! – сладко проворковала девушка, растягивая губы в фальшивой улыбке, и вздрогнула, когда трубка взорвалась возмущенным воплем.

– Истомина, ты слышала, что сегодня утром на твоей станции человек под поезд бросился? – в тишине, нарушаемой лишь нервным шмыганьем Жданы, спросил Здышко.

– В Отрадном? – на всякий случай уточнила я.

– Угу. Новостная лента пестрит сообщениями, – страдавший сильной близорукостью клерк принялся, не глядя, ощупывать документы на столе, чтобы найти в завалах очки.

Меня кольнуло нехорошее предчувствие. Я провела по пентаграмме, начертанной на крышке стола, и по экрану заплясала маленькая стрелочка. Щелчок на иконке в виде черного паучка открыл Мировую информационную сетку.

Среди ярких объемных картинок и зазывных надписей мигала красная строчка со срочной новостью. От короткого клика развернулось изображение хмурого человека, толкнувшего меня поутру в подземке.

«Как мы выяснили, погибший Ерш Цветков работал старшим научным сотрудником Ветиховского исторического музея. Сегодня утром на станции «Отрадное» городского подземелья между ним и неизвестным молодым человеком произошел конфликт. Привлеченная потасовкой охрана подземелья пыталась задержать дерущихся, но гражданин Цветков оказал сопротивление. Он оступился и упал на рельсы как раз в тот момент, когда на станцию прибывал состав. Смерть наступила мгновенно. Второй участник драки скрылся...»

В душе шевельнулось беспокойство. Схватив коммуникатор, я тут же набрала номер Богдана и, выслушав нахальный автоответчик, горячо забормотала:

– Истомин, это снова я. Представляешь, та скотина, которая толкнула меня в подземке, попала под паровоз! Как хочешь, а меня это беспокоит. Перезвони, пока я не начала пить настойку пустырника. Все, пока.

– Ведка, ты чего так побледнела? – спросил Здышко, уставившись на меня из-за толстых окуляров.

– Побледнеешь здесь! – фыркнула Ждана, в раздражении швырнув на стол коммуникатор. – «Вечная молодость» протухла пару лет назад, и теперь милая дама грозит конторе иском к Мировому магическому суду!

– Поздравляю, – не скрывая сарказма и удовольствия, хмыкнул очкарик, – тебя не оштрафуют, а лишат зарплаты на следующие полгода.

– Или уволят, – поддакнула я. – Причем нас всех...

К сожалению, в мрачных прогнозах я никогда не ошибалась. Шеф орал, брызгал слюной и топал ногами. Лицо с крючковатым носом побагровело, а галстук сбился набок.

От страха клерки затаились по кабинетам и наверняка благодарили Единого Четырхликого Бога за то, что начальственный гнев изливался на чужие головы. В смысле на головы «неудачников из каморки».

– На склад! – в конце концов, захлебнувшись словами, закашлялся шеф. – Искать лосьон с нормальным сроком годности!

– Так у лосьона срок годности давно вышел, а с производства его сняли! – выпалила я на одном дыхании.

– Вот и проверишь лично, Истомина! Причем каждую бутылку, – прошипел шеф.

Вылетая в коридор, он с такой яростью грохнул дверью, что с гвоздика сорвался прошлогодний календарь. После истощных воплей начальника тишина казалась мертвой. Ждана обмахивалась распечатанными на мелованной бумаге накладными и сдвигала с румяного лица пряди растрепавшихся волос. Здышко носовым платком рассеянно протер

очки, потом подумал и промокнул испарину, выступившую на лбу.

– Единственного не понимаю, – наконец, прервал он молчание, – почему из-за чужой глупости страдаю лично я?

Склад занимал обширное подземелье под зданием, к нему вела крутая винтовая лестница. Словно ягнята, отправленные на заклание, мы понуро спускались в конторские катакомбы. Возглавляла нашу маленькую процессию Ждана на высоченных каблуках, замыкал – шаркающий туфлями подслеповатый Здышко.

В ледяном помещении от сквозняков раскачивались потолочные лампы, а по бесконечным стеллажам с бутылками лосьонов танцевали зеленоватые круги магического света. В жидкостях вспыхивали разноцветные спиральки и шарики, отчего казалось, будто в сумраке загорались звезды. За спиной кто-то шарахнул тяжелой дверью, и мы одновременно оглянулись, словно пугливые кролики.

– Говорят, здесь есть кладовщики, – прошептала Ждана.

– А еще крысы, – вырвалось изо рта Здышко облачко теплого пара.

Промозглый холод заставлял жалко ежиться.

– Какой ряд? – едва слышно уточнила Ждана, вытирая влажные ладони о платье от известного портного.

– Четырнадцатый ряд. Сорок пятый стеллаж. – Очкарик сверился со смятой бумажкой. – Пятнадцатая полка.

В поисках нужного ряда мы двинулись по длинному проходу. Наши шаги эхом разносились по подземелью. Неожиданно между стеллажами мелькнула фигура кладовщика в форменном комбинезоне.

– Эй! – окликнула его Ждана, махнув рукой с выставленным пальцем, как будто пыталась остановить попутку на тракте.

Человечек с ящиком, полным звякающих банок, замер и хлопнул в нашу сторону белесыми ресницами.

– Послушайте! – обратилась сослуживица, но кладовщик с полубезумным видом сорвался с места, точно впервые в жизни слышал человеческий голос.

– Не послушал, – резюмировала я.

– И убежал, – вздохнул Здышко. – Как крыса.

К тому времени, когда нужный стеллаж нашелся, я окончательно окоченела и хлюпала носом. Застыв в нерешительности перед высокими, заставленными бутылками полками, мы синхронно задрали головы. Где-то высоко громоздились сосуды с голубоватым светящимся лосьоном от морщин. На уровне глаз стояли банки с темной густой жидкостью.

– Я принесу стремянку, – задумчиво предложил Здышко, оценив расстояние от пола до бутылей. Он юрко скользнул за стеллаж и с треском проволоки по каменному полу ненадежную деревянную лестницу. Я поспешно уступила ему место, когда парень прилаживал стремянку.

– Вот. – Клерк удовлетворенно отряхнул руки.

– Чего вот? – проворчала Ждана, презрительно покосившись в его сторону.

– Залезай, – гостеприимно кивнул очкарик и добавил не без ехидства: – Скалолазка наша.

– Это почему я должна залезать? – зашипела она.

– Потому что из-за тебя нас могут лишить работы! – аргументировал Здышко. – К тому же Ведка в узкой юбке, а я боюсь высоты.

– Я тоже в юбке, – взвилась Ждана, ткнув пальцем на короткий подол платья, обтянувшего пышные формы. – Кто из нас двоих... – Она покосилась на стучавшую зубами меня и исправилась: – Из нас троих – мужик?

Здышко злобно засопел, не желая взбираться на стремянку, ровесницу моего дедушки.

– Видишь, спорный вопрос! – Разъяренная дева не собиралась сдаваться. – Забирайся!

Она хлопнула ладонью по перекладине. Ветхая ступенька звучно хрустнула и ощерилась длинными острыми щепками. Стало ясно, что парень не полезет вверх, даже если с ним пообещают поделиться годовой премией. Хотя, пообещай Ждана уступить премию целиком, сдался бы, как миленький, еще бы и комплименты рассыпал целый месяц. Но вместо этого она захлопала ресницами и сладко запела:

– Здышко, детка, я лестничку подержу.

– Лучше я лестничку подержу, – отозвался тот с елейной улыбкой.

Девушка сдавленно зарычала от ярости и прошипела сквозь зубы, ставя на перекладину ногу в красной туфле:

– Ну, сокол, только попробуй мне под юбку посмотреть! Ослепнешь так, что ни одни окуляры не помогут!

– Все равно там смотреть не на что, – едва слышно хмыкнул Здышко, когда Ждана стала подниматься, ловко перебирая руками.

– Я все слышу! – рявкнула она, потянувшись к бутылкам. – Держи лестницу, шутник!

Неожиданно стремянка ненадежно качнулась, и девушка тоненько взвизгнула:

– Мама дорогая! Убийцы!

Мы вцепились в деревянный остов мертвой хваткой.

– Это ты убийца! – взвизгнул клерк. – Почувствуй, как под нами сейчас рушится лестница, только карьерная! Чтоб ты знала, забирался я по ней дольше, чем ты по стремянке!

– Веда, он меня оскорбляет! – попыталась найти союзницу Ждана.

– Он прав, – простучала я зубами, шмыгнув носом от холода. – Если я потеряю работу, то снова не смогу съехать от родителей. Ты давно жила с родителями? Вот и помалкивай теперь!

– Позвони своему брату и пожалуйся на меня, Истомина! – буркнула сослуживица недовольно и потянулась к полке с лосьонами.

Между нами повисло холодное, как воздух подземелья, молчание. Работа спорилась. Неожиданно светильники наверху нехорошо затрещали, свет моргнул. Ждана с очередной искрящейся бутылкой в руках опасно покосилась на потолок. Здышко так и замер с поднятыми над головой руками, а я заранее заволновалась.

Через секунду все магические лампы потухли, и подземелье накрыла тьма. Склад наполнился неясными шорохами, несуществующими голосами и вздохами. Я даже испуганно оглянулась, представив крадущееся за спиной чудовище с вязкими ниточками ядовитой слюны в раззявленной пасти, но темнота была статичной – никакого движения.

– Здышко, держи! – прошептала загробным голосом Ждана, и на одну секунду мерцание лосьона раскрасило ее лицо глубокими тенями.

– Ну, когда они там включают свет? – недовольно пробормотал очкарик, и тут его пальцы скользнули по стеклянным стенкам пыльного сосуда...

С оглушительным звоном бутылка грохнулась на пол. Не сговариваясь, мы прыгнули в разные стороны. К несчастью, приятель оступился и налетел на стремянку. Лестница опасно зашаталась. Ждана истошно завизжала и вцепилась в полку:

– Ба-ба-баюшки!

Вдруг вопль перерос в сдавленный скулеж, и вслед за ним раздался треск. Силуэт девушки живописно ухнул вниз. Какая-то банка звучно хлопнула, и сверху на меня плеснуло чем-то густым, похоже, испорченным лосьоном. Жидкость потекла по волосам, по лицу, попала в раззявленный рот. А под ногами, распространяя едкое зловоние просроченной магии, ядовитой лужей растекалась «Вечная молодость».

– Ф-у-у! – Я брезгливо вытерла губы. – Мне что-то в рот попало!

– Я тоже чего-то с пола лизнула! – захныкала где-то внизу Ждана.

И только Здышко аггеловским партизаном затаился в темноте.

На мгновение лампы мигнули, обрисовав страшную картину разрушения. Ждана стояла на коленях, пытаясь освободить зацепившийся за щепку на стремянке подол. Здышко судорожно ощупывал пол, ища потерянные очки. Когда светильники окончательно загорелись, жуть предстала во всей печальной красе. На полках валялись черепки от бутылей, стеклянные осколки устилали залитый чем-то темным и густым пол, а стремянка виновато лежала посреди прохода.

Мы подслеповато шурились, пытаясь прийти в себя. Ждана уселась, устало выплюнула прилипшую к губам прядку. К узкому лбу Здышко приклеилась бумажка с расплывшейся надписью: «Быстро портящийся продукт, хранить в холоде». Парень сдернул наклейку, и его брови удивленно изогнулись.

– Мать божья! – пробормотала Ждана и вдруг осенила себя божественным знаком. – Истомина, у тебя губы в крови!

– Шутишь? – Скорчив гримасу, я снова вытерла рот.

– Вылитый упырь, – со знанием дела пробормотал Здышко, поднося найденные очки к глазам.

– Она как будто чье-то горло распорол, – добавила Ждана, ткнув в меня пальцем.

Соседи по рабочей камерке переглянулись и, выказав редкостное взаимопонимание, дружно загоготали. На моей блузке и узкой юбке действительно красовались бурые пятна, и пахли они, надо сказать, отвратительно. Левая рука была в крови по локоть.

– Смотрите! – Здышко поднял осколок с этикеткой. – Здесь написано, что это драконья кровь.

Визгливый смех Жданы резко оборвался, улыбка сползла с лица.

– Не может быть, – пробормотала я, старательно принюхиваясь к рукаву. К сожалению, от густой субстанции действительно шел неудобоваримый солоноватый запах, вызывавший острые приступы тошноты.

– Я думала, что последний дракон сдох лет сорок назад в городском зоопарке, – недоверчиво пробормотала Ждана.

В нашем мире, где почти иссякшую природную магию заменила воссозданная искусственно, любые средства, сохранявшие запасы энергии, стоили невероятно дорого. Драконья кровь помогала магам, получившим от расточительных родителей лишь крохи силы, поддерживать запас магии в амулетах, а потому цена за один грамм редкого средства на черном рынке доходила до трехзначных цифр.

– Судя по запаху, это и была кровь того самого последнего дракона, – скорбным голосом резюмировала я.

Замолчав, мы переглянулись.

– Нужно линять, пока нас не засекли. – Схватившись за полку, Здышко поднялся на

нетвердые ноги, но стеллаж затрясся, и сверху на невезучего клерка хлынул поток розовой жидкости из лопнувшей бутылки. Волосы мгновенно облепили маленькую птичью головку, с носа что-то стекало.

— Кажется, я нашел единственную бутылку неиспорченной «Вечной молодости», — закашлялся сублильный клерк, видимо, глотнувший лосьона.

— Значит, теперь у тебя морщин не будет. — Кряхтя, Ждана встала с пола, но не успела оправить короткое платье, как нога подломилась, и девушка едва не шлепнулась обратно.

Без зазрения совести мы скрылись с места преступления.

В фойе на первом этаже напольные часы громко отбили восемнадцать ударов, официально завершая рабочий день. Тогда я даже не подозревала, что каждая отсчитанная минута приближает меня к откосу, под который вскоре полетят все привычные и казавшиеся тогда невероятно важными вещи.

Глава 2

Почти детективная история

Через раскрытое окно в нашу гостиную проникала ночная прохлада. На небольшом диванчике с продавленными подушками захлебывался храпом отец. К отросшему за время отставки животу он любовно прижимал пульт от магического видения, завернутый в специальный прозрачный мешочек (чтобы циферки не стирались). На большом экране носились объемные фигурки футболистов-троллей. Дом содрогался от воплей болельщиков и азартных возгласов известного спортивного комментатора.

Каменный коттедж никогда не знал порядка, но сегодня он выглядел так, словно внутри произошел магический взрыв. Мама Ярослава паковала багаж для поездки в Бериславль, где в шикарном особняке с видом на Уральские горы обосновалась одна из отцовских кузин. К любым сборам родительница относилась с большим трепетом, а потому в открытом сундуке посреди тесной прихожей беспорядочно росла гора вещей.

Устроившись за кухонным столом, я попыталась отыскать в Мировой информационной сетке какие-либо упоминания об утреннем инциденте. И так, и этак вбивала в строчку поисковика запросы, но абсолютно все упоминания исчезли. Казалось, что утром вовсе не произошло никакой трагедии.

Неприятности на работе вытеснили утреннее происшествие, и я вообще перестала бы о нем думать, но случилось странное. Всю дорогу до дома меня преследовал чужой пристальный взгляд. Конечно, я не исключала, что просто вообразила слежку, но даже простая мысль о преследователе забавной не показалась и вовсе не способствовала душевному равновесию. Скорее, наоборот – «раскачала лодку».

Мама Ярослава ворвалась в кухню, для чего-то схватила со стола солонку.

– Соль тоже упаковываешь? – полюбопытствовала я.

Родительница с искренним изумлением посмотрела на вещицу в своих руках и с превеликой осторожностью, словно пузатая баночка могла цапнуть ее за палец, вернула солонку на место.

– А Богдан звонил? – быстро спросила я, пока мама не упорхнула в коридор.

– Нет, – раздался лаконичный ответ, а следом прозвучало родительское наставление: – Не грызи ногти.

Мама Ярослава скрылась из кухни, а я вдруг обнаружила, что действительно из-за нервного напряжения до мяса надкусила ноготь на большом пальце.

– А вчера звонил? – крикнула я.

– Нет! И позавчера тоже, – ответила родительница из прихожей.

– Почему ты сама ему не позвонишь? – возмутилась я. – У тебя сын пропал!

– Он уже совершеннолетний.

С раздражением я захлопнула крышку ноутбука. Щелкая пружинками и вспыхивая зеленоватыми всполохами, прибор сложился в небольшую плоскую коробочку.

В прихожей затрещал домашний зеркальный коммуникатор.

– Ведущка, ответь! – крикнула матушка, каким-то непостижимым образом успевшая улизнуть в спальню на втором этаже.

Выбравшись из-за стола, я подошла к зеркалу. Через рябь в глубине отражения

проявлялось крупное лицо первой семейной сплетницы Галки, прижимавшей к уху трубку.

– Яра! Это тебя! – заорала я, задрав голову.

В ответ наверху что-то загрохотало. На потолке выразительно зашаталась пыльная люстра и взбаламутила световой шарик. Пока распаренная из-за сборов мама спускалась по лестнице, застеленной мятой ковровой дорожкой, Галка в коммуникаторе недовольно морщила нос, словно через трубку чувствовала дурной запах, исходящий от нашего дома.

Тетку, откровенно говоря, я не любила. Еще в детстве вместе с Богданом мы включили сплетницу в состав четверки великой семейной инквизиции, вечно сующей нос в чужие дела.

Схватив с рычага трубку, мама манерно протянула:

– Добрый вечер, моя дорогая.

Почему-то при разговоре с кузинами у нее в голосе всегда появлялись особенные интонации. Складывалось ощущение, что они не разговаривали, а соревновались в размерах очагов на кухне. Галка зашевелила губами.

– Знаю, моя дорогая! – с неприличным торжеством в голосе перебила ее матушка. – Вы собирались в Бериславль летом, а мы решили, что поедем прямо сейчас. Так-то...

Мама спряталась на кухне, устроилась на шатком табурете. Провод трубки натянулся на дверном косяке, и зеркало опасно накренилось. Уничтоженная новостью о поездке моих родителей, Галка разглядывала разгромленную прихожую, где каждая мелочь буквально кричала о том, что хозяева действительно собрались путешествовать. Ненавидящий взгляд сплетницы остановился на мне, и лицо озарилось ехидной радостью. Сразу стало ясно, что она собиралась выплеснуть желчь на самого безропотного жителя нашего дома, то есть на меня.

– Кожа да кости? – удивилась мама и, выглянув из кухни, окинула меня придиричивым взглядом. – Тут ты права. Ведка действительно сильно похудела.

– Зато глаза кажутся больше, – процедила я сквозь зубы и, подхватив с перил подготовленное в дорогу покрывало, завесила коммуникатор.

Мама немедленно высунулась из кухни и поцокала языком:

– Не завешивала Ведка ничего. У нас просто зеркало барахлит.

Потом дамы переключились на обсуждение своей старшей кузины. Я было взялась складывать кое-как наваленные на дно дорожного сундука вещи, но на входной двери дернулась ручка. С улицы донеслись звуки неясной возни. Видимо, Радку провожал очередной поклонник, а поганка забыла предупредить, как сильно бедняга рисковал здоровьем, провожая зазнобу к дверям родительского дома. Лично мои кавалеры никогда не рисковали попадаться на глаза нашему папеньке, считавшему абсолютно всех ухажеров своих дочерей редкостными сволочами. Наверное, если бы родитель узнал, что я давно не девственница, даже по прошествии многих лет нашел бы виновника и заставил его жениться.

Без колебаний я распахнула входную дверь и с немым укором уставилась на припозднившуюся сестру. Она поспешно вытирала размазанную помаду, а у каменного крыльца нервно дрожали густые кусты сирени.

– Что ты так на меня смотришь? – фыркнула Рада.

– Румяна тоже сотри, а то отца удар хватит, – посоветовала я и прикрикнула: – А ты, сидящий в кустах, возвращайся домой. Сейчас идет сезон отстрела женихов, и у отца лежит заряженный солью самострел^[3].

– Ну, Ведка! – Рада сделала страшные глаза.

– Ну – что? – одними губами переспросила я и направилась в дом.

Вскоре гулена вернулась. Она собрала русые волосы в косу, стерла краску с лица и теперь выглядела школьницей, вернувшейся домой после подготовительных курсов. Где, собственно, и должна была находиться весь вечер. Неслышно прикрыв за собой дверь, сестра шустро стянула мамины выходные туфли и неторопливо сняла пиджак, сворованный из моего шкафа.

– Пиджак верни на вешалку, – сухо прокомментировала я.

– Как скажешь. – Нахалка накинула дорогуший наряд на рогатую вешалку поверх прочей одежды. От того, с какой небрежностью Радка обращалась с вещью, стоявшей дорожке, чем весь ее наряд, вместе взятый, у меня чуть сердце не остановилось.

Я хотела возмутиться, но не успела.

– Ты опоздала на час! – прогрохотал в прихожей возмущенный голос главы семейства, и сестра испуганно икнула. Помятый со сна, нахрапевшийся папаня замер в дверях гостиной, а над его лысой макушкой переливчато пели трубочки восточных колокольчиков.

Отцовского воспитания в отрочестве я хлебнула полным половником, и, надо заметить, Богдан не один год подряд хорошенько развлекался за мой счет. Потом брат при первой возможности сбежал из родительского дома, а папа сосредоточил воспитательные потуги на подростковой Раде. Конечно, мой подконтрольный возраст давно ушел, но я все еще не решалась приглашать в дом поклонников. Страшно представить, какой бы случился кордебалет, но уверена, что редкий мужчина выдержал бы знакомство с моим шумным семейством и не сбежал, мелькая пятками и зажимая под мышкой туфли.

Радка мялась, краснела и бледнела попеременно. В больших, несчастных, как у олененка, глазах заблестели чистые слезы. Актерским талантом, в отличие от академического, природа сестру не обделила. Жаль, что в театральное училище бесплатно поступали только эльфы и нифмы, глядишь, стала бы знаменитостью, хоть какой-то прок вышел бы.

– Папочка... – надломленным голосом простонала провинившаяся.

Она трагически выставила одну руку и сделала неосторожный шаг, задев плечом вешалку. Неустойчивая конструкция немедленно плюхнулась посреди прихожей, едва не прибив главную актрису. Что-то звякнуло о паркетный пол и прокатилось к отцовской ноге. Остановившись, поблескивающий серебряный браслет в виде спирали с широкими витками завертелся на месте.

– Это выпало из Ведкиного кармана! – выдавая себя с головой, заявила нахалка и ткнула пальцем в пиджак, покоившийся поверх горы одежды.

– Но пиджак брала ты, – изогнула я брови.

Папа зашевелил густыми усами и, оперев руки в мясистые бока, грозно вымолвил:

– Кто?

Почувяв, что в прихожей разворачивается бой, матушка поскорее попрощалась с кухней и повесила трубку на рычаг. Истинная жена стража в отставке, она воспользовалась военной тактикой внезапного нападения и набросилась на отца с претензиями:

– Что ты пристал к дочери? Ну подарил ей мальчик эту гадость. И что?

– Так ты уже с мальчиками встречаешься?! – От возмущения отец даже подавился.

– Папа, ей семнадцать, – покачала я головой. – Хорошо, что она встречается с мальчиками, а не с какими-нибудь... аггелами.

При моих словах Радка вдруг стала пунцовой. Смущение сестры лучше любых слов

говорило, что на этот раз любовью всей ее жизни стал не совсем человек.

– Надеюсь, у него хотя бы хвоста нет? – не удержалась я.

– Нет у него хвоста! – выкрикнула сестра ломким слезливым голосом.

– Какого еще хвоста? – удивилась маменька.

– Что еще за хвостатая сволочь?! – окончательно запутался отец и, не придумав ничего лучшего, прогрохотал: – Ты, Радислава, вместо того, чтобы на свидания бегать, лучше бы к поступлению в университет готовилась!

Положа руку на сердце, еще в младших классах стало ясно, что окончить лицей с приличными баллами сестрица не сможет. Даже если приковать ее кандалами к парте с учебниками – все равно не сможет. Однако отец отказывался смириться с объективной реальностью и признавать, что его любимая дочь просто не способна учиться.

Поскольку в проповеди произошла удачная заминка, Радка подхватила с пола браслет и опрометью бросилась на второй этаж. А уже оттуда, с безопасного расстояния, заорала, точно блаженная:

– Ты меня, папочка, совершенно не понимаешь, только Ведку с Богданом любишь! Если бы понимал, не заставлял бы дурацкий экзамен сдавать!

По второму этажу простучали босые пятки, гроыхнула дверь, и наступила удивительная тишина.

– Изверг ты, Володька, – наконец, махнула рукой мама, – ребенка опять до слез довел.

– Да что я такого сказал-то? – обиделся отец.

– Сделай потише видение, а то голова трещит, – вздохнула матушка.

Плавнo покачивая бедрами, она поднялась на второй этаж, торопясь откачать младшего ребенка от устроенной супругом воспитательной терапии. Проводив ее виноватым взглядом, тот протянул, обращаясь ко мне:

– Ведка, ну что я такого сказал?!

Я только пожала плечами и, спрятавшись на кухне, остаток вечера отгораживалась от семейства монитором лэптопа.

Дом наконец утих. Слезы, отмеренные на этот вечер, пролились, крики умолкли, семейный оркестр устал. Дирижер в лице мамы сладко посапывал под боком у концертмейстера отца. Первая скрипка Рада, наревевшись из-за горькой отроческой судьбы, провалилась в глубокий сон. И только я, жалкая подтанцовщица, никак не могла улечься.

Морок часов на кухонной стене показывал начало второго. Сумрак затопил первый этаж, лишь ночник с тканевым абажуром, висевший над лестницей, отбрасывал тусклое магическое свечение.

Стараясь не скрипеть старыми исхоженными половицами, я поднялась по лестнице. Открыв дверь в спальню, хлопнула в ладоши. Магический шар в светильнике послушно вспыхнул, а в следующий момент стеклянный плафон пронзительно тренькнул и мелкими осколками разлетелся в разные стороны. Комната вновь погрузилась в темноту. В полосе коридорного света вытянулась моя изломанная тень. Выругавшись сквозь зубы, я прошла в спальню и с недоумением воззрилась на потолок с черными следами взрыва. За спиной тихо закрылась дверь...

Вдруг в заднем кармане штанов заорал смешную песенку коммуникатор. Поскорее, пока звонкий сигнал не перебудил родственников, вытащила аппарат и проверила номер. Он был неизвестен, но в такое позднее время мог звонить только брат.

– Истомин, ты с какого номера звонишь? – В динамике что-то затрещало. – Эй, прием!

Богдан, ты меня слышишь?

В ответ – молчание.

– Если ты начнешь тяжело дышать в трубку, станешь похож на маньяка...

– Сейчас ты стоишь посреди комнаты, как раз под разбитым светильником, – прозвучал в коммуникаторе незнакомый мужской голос.

Мать Божья! И правда маньяк?!

– Послушай, шутник... – начала было я, но тут в темноте раздвоился зеленоватый лучик.

Узнать световой след от прицела не составило труда. Я невольно шарахнулась спиной к двери, но в трубке раздалось:

– Ты напрасно отступила на шаг. Я теперь лучше тебя вижу, и мой самострел как раз направлен на твою переносицу.

Подтверждая слова незнакомца, по телу затанцевала зеленая точка, скользнула по груди и остановилась где-то на лице. Подозреваю, как раз между бровями. От страха меня парализовало.

– Так что лучше не шевелись. – Он говорил бесстрастно, не злясь и не насмехаясь. При всем желании я не могла пошевелиться. Во рту пересохло, а в висках застучала кровь.

– Кто ты? – У меня сел голос.

– Ты задала неверный вопрос, Веда.

Он знает мое имя! В панике я закрутила головой, словно действительно могла разглядеть безумца через окно.

– Тебе лучше стоять на месте, иначе я войду в дом. Мне будет крайне любопытно увидеть тебя вблизи. У тебя невероятно красивые русые волосы...

– Мой отец страж! – выпалила я. – У него тоже есть самострел!

– Он не успеет его взять, – спокойно парировал убийца. – Скорее всего, он даже не успеет проснуться. Смерть во сне не такой плохой вариант. Как думаешь?

– Хорошо! Хорошо! Поняла! – перебила я. – Просто скажи, каким должен быть вопрос.

– Ты должна спросить, что мне от тебя нужно.

– Что... – Я задохнулась. – Господи, а что тебе нужно?

– Сегодня в подземке тебе передали интересную вещь...

– О чем ты говоришь? – вырвалось у меня. – Какую еще вещь? Ты меня с кем-то перепутал! Мне никто ничего не...

Перед мысленным взором вдруг появилось лицо погибшего под поездом работника музея. Он обнял меня тогда и, видимо, что-то подкинул в карман!

– Что за вещь? – резко спросила я.

– Серебряный браслет.

Выходило, что украшение, подхваченное сестрой, действительно лежало в моем пальто!

– Вот ведь дерьмо! – с чувством выругалась я, проклиная себя за невнимательность. Как можно было не заметить украшение в кармане пальто?

– Вспомнила? – усмехнулся голос в трубке. – У тебя есть три минуты, чтобы вернуть браслет.

– Я поняла.

– Три минуты.

– Я не глухая! Мне не надо повторять два раза!

– И еще, – перебил меня неизвестный. – Никаких стражей. Ясно?

Сжав зубы, я промолчала.

– Тебе ясно?!

Тут снова раздался звон, всколыхнулась легкая занавеска. Ослепительная молния рассекла темноту. Оставив после себя дырочку, в стену вонзился магический шарик.

– Ты офигел?! – рявкнула я.

– Три минуты. Отсчет пошел.

Приказ был отдан. Коммуникатор замолчал.

Этот тип правда думал, что дочь стража в отставке не вызовет патрульных? Как же!

Набирая на ходу городской номер службы безопасности и порядка, я бросилась в комнату младшей сестры. В динамике заиграла скрипичная соната. Приятный голос вежливо попросил дождаться ответа. «Ваш звонок очень важен для нас», – ласково уверили стражи.

Конечно, важен! Вдруг я пожалуюсь на шумящих соседей? Ведь если заявить, что всю мою семью собираются перестрелять, ни в жизни не дождусь стражей. Нет, они, конечно, потом приедут, с каталкой для трупов.

Ворвавшись в комнату Рады, щелчком пальцев я разбудила световой шарик и плотно закрыла дверь. Сестра заворочалась на кровати, приподнялась на подушках. На помятом лице отразилось недовольство.

– У тебя все дома? – раздраженно бросила она.

– Лучше бы у меня никого не было дома, – пробормотала я и тут услышала в трубке приветственный голос оператора:

– Добрый ночи, я вас слушаю.

– Барышня, у нас тут соседи шумят, – пропыхтела я сварливо и принялась копать в стоявшей на комоде шкатулке с дешевой бижутерией.

– Ты вообще свихнулась? – выдохнула возмущенная моим вероломством Радка и даже подскочила на постели.

– Понимаете, барышня, – затараторила я оператору, – они ведут себя, как гоблины! Натуральные мерзкие гоблины! Не то чтобы я имела что-то против гоблинов, но именно эти врубили музыку на всю улицу. И орут! Орут, как армия диких троллей!

Не останавливаясь ни на мгновение, я бросилась к гардеробу и в бешенстве сдернула с вешалок платье.

– У тебя все нормально с головой?! – заорала Рада. Вскочив с кровати, она встала грудью на защиту неряшливых полок, хотя создать еще больший бардак, чем уже имелся, было просто невозможно.

– Заткнись, Рада! – рявкнула я, полоснув девчонку свирепым взглядом. Она плюхнулась обратно на кровать и, сиротливо поджав коленки, пустила слезу.

Оператор предпочла сделать вид, что не слышит никаких воплей, и деловитым тоном уточнила:

– Продиктуйте адрес.

Меня уверили в том, что патрульная машина уже в пути, и положили трубку, а я развернулась к шмыгающей носом сестре:

– Где он?

– Да кто он?

– Не кто, а что. Где браслет, который выпал из кармана? Отдай его немедленно! – Я протянула трясущуюся руку. – Немедленно его верни!

Рада изогнулась и вытащила припрятанное под подушкой украшение, тускло блеснувшее под магическим светом лампы.

– Подавись, ненормальная!

Выхватив браслет, я приказала:

– И тихо тут! Поняла меня?

– Ты чокнутая, Ведка! Я все маме расскажу! – понеслось мне в спину вместе с подвываниями.

На лестнице я споткнулась о собравшуюся гармошкой ковровую дорожку и едва не скатилась кубарем со ступенек, а для полного удовольствия шибанулась об острый угол оставленного на самом проходе сундука. Удивительно, как вообще на собственных ногах добралась до порога.

Распахнув входную дверь, в нерешительности замерла. Ночь пахла влажной травой. Фонари не горели, и улица утопала в темноте. В кронах деревьев шумел ветер. В благополучный спальный район на восточном холме Ветиха никогда не забрался бы маньяк с самострелом...

– Выходи, – прозвучал мужской голос. – Медленно.

На ватных ногах я сделала шагок на крыльцо.

– Дверь, – приказал незнакомец.

Дверь закрылась, и меня ослепило от темноты.

– Повернись спиной и расставь руки.

Боясь сверзиться с каменной ступеньки, я осторожно повернулась спиной к улице и расставила руки.

Мне никогда не нравились героические видеобылины, где на протяжении всего действия главного героя (и, замечу, обязательно мужчину) пытались убить плохие парни. Всегда считала, что попади я в такую ситуацию, погибла бы, пока на экране шли начальные титры. И что теперь? Я стояла на крыльце, уткнувшись носом в почтовый ящик, и боялась, что мне выстрелят в спину.

Интересно, это больно, когда в тебя попадает боевой шар? Хотя кому я вру? Мне это вообще ни разу не интересно.

– Ты умница, Веда, – раздалось над самым ухом, и я вздрогнула.

Незнакомец оказался так близко, что мне удалось почувствовать исходящий от его тела жар. Когда он забирал браслет, случайно мазнул кончиками пальцев по влажной ладони. От быстрого прикосновения меня ударило магическим разрядом. Я вздрогнула.

И тут тишину спального района взбудоражил истеричный вопль сирены. За сиреневыми кустами блеснул свет фар.

– Как глупо... – процедил мужчина и резко, без жалости, толкнул меня носом в почтовый ящик. Я бы обязательно напоролась на его острый угол и заработала отменный фингал, но дверь распахнулась, и на пороге выросла мощная фигура отца в разъезжающемся на животе халате. Если бы папа не схватил меня за локоть, я бы непременно стекла на пол.

– Что происходит? – Отец грозно сверкнул глазами.

В этот момент белый автокар стражей с синими широкими полосами на дверях остановился. В темноте переливались разноцветные фонари сирены. На дорожке появился блюститель порядка. С изумлением отец проследил за его приближением.

– Нам позвонили с жалобой на вас, – еще на подступах к крыльцу объявил худой и высокий страж в нелепо коротких форменных брюках.

– На нас?! – грозно прогрохотал отец.

Я открыла рот, лихорадочно пытаюсь придумать правдоподобное объяснение, но в руке

заорал коммуникатор. Под убийственными взглядами двух мужчин трясущимся пальцем я нажала вызов и прижала аппарат к уху.

– Прямо сейчас, – приказал холодный голос, – солги что-нибудь.

– Что? – сдавленно промычала я.

– Не важно, – отрывисто произнес мужчина, – скажи, что приходил любовник.

Выдав из себя жалкое подобие улыбки, я пробормотала:

– Извините... Тут такое дело... – Я прикрыла глаза, чтобы не видеть реакции отца, и выпалила: – Ко мне ночью приходил приятель. Мы поругались, и я вызвала стражей. Мне очень жаль!

Когда отец странно крикнул, я вжала голову в плечи.

– Ты совершенно не умеешь лгать, – насмешливо резюмировал убийца, прежде чем отключиться.

Глава 3

Убить клерка

Царство матушки Ярославы опустело, и я осталась в нем одна, запуганная до нервной икоты, вместо хозяйки и королевы. В неубранной гостиной были наглухо закрыты портьеры. Солнечный свет безуспешно пытался проникнуть сквозь плотную ткань, и душную комнату заливало сумрачное золото. На широком экране видения беззвучно шевелила губами хорошенькая эльфийка с премилыми ямочками на щеках.

После полночных приключений я ощущала себя до боли хрупкой, а главное, ужасно смертной. Забившись в угол потертого дивана, пыталась уговорить себя выйти на улицу, но в голове засела тревожная мысль, что стоит перешагнуть порог, как мне прострелят голову. Ведь всем известно, что безумные истории, похожие на героические былины, в обычной жизни заканчиваются плачевно!

Конечно, я предприняла отчаянную попытку сбежать в Бериславль вместе с родственниками. Однако билетов на поезд не оказалось, и мне посоветовали подождать сутки. Места на дирижабль выкупали за месяц до рейса. Вежливый оператор, приветливо улыбаясь через зеркальный коммуникатор, предложил приехать и подежурить в здании воздушного вокзала на тот случай, если кто-нибудь из пассажиров откажется от места.

Пришлось забронировать билет на завтрашний поезд.

Между тем на экране виденья хорошенькое лицо ведущей сменила заставка сериала о Мировой войне. В кадре появилось нервное мужское лицо с безумными глазами и кривой челкой. Хотя создатели фильма переборщили с гримом, актер явно походил на Гориана Менского, чей портрет был напечатан во всех учебниках истории.

Ирония заключалась в том, что самый страшный колдун современности на страницах книг мирно соседствовал со своими жертвами: казненными эльфийскими королями, повешенными царями гоблинов и распятыми магами.

В кадрах из батальных сцен во всех подробностях демонстрировали перекинувшихся зверями агтелов, нападавших на гордых эльфийских воинов с древними луками в руках. Хотя я сама не являлась большой поклонницей хвостато-рогатых, смотреть подобную гадость не было сил. Газетные страницы и новостные выпуски не упускали случая устроить истерику вокруг огненных бесов, а потому народ относился к ним с подозрением. Сама видела, как почтенная старушка в забавной шляпке тыкала фигой вслед дорого одетой агтелице перед зданием «Веселены Прекрасной», словно бы та походила на болотную кикимору.

Что далеко ходить? На семейных посиделках мой отец страстно доказывал, что все народности и расы равны, но при виде агтела все равно тайком плевал через левое плечо. Средневековые какое-то!

Нащупав пульт, я быстро переключила канал и почти задремала под рисованную сказку о потерявшемся в тумане ежике, когда коммуникатор взорвался крикливой песенкой. От страха я подскочила на месте. Приборчик ходил ходуном в трясущейся руке, и изображение Здышко в зеркале раздваивалось.

– Привет, – ответила я на вызов.

– Веда, тебе нужно срочно приехать! – выпалил взволнованный коллега.

– Слушай, Здышко, я тут об отпуске подумала...

– Уйдешь в отпуск завтра! – перебил он. – Ты не представляешь, что здесь творится.

Сердце тревожно екнуло.

– Из-за драконьей крови? – переходя для чего-то на шепот, утончила я и воровато оглянулась через плечо, точно разозленный большой начальник мог соткаться из воздуха и лично оповестить меня об увольнении.

– Угу, – неоднозначно промычал коллега.

Как у любого клерка с опытом работы, самым страшным моим кошмаром являлся страх, несмотря на весь этот самый опыт, эту самую работу потерять, и угроза увольнения начисто вырубала инстинкт самосохранения. Стыдно признаться, но оказаться на бирже труда я боялась куда больше, чем гипотетической возможности быть расстрелянной на крыльце родительского дома. Лучше пусть сразу пришьют, чтобы не мучилась!

– Скоро буду! – клятвенно уверила я и тут же спросила: – А Ждана там?

– Там... – промямлил Здышко.

Старый автокар, купленный родителями сразу после рождения Богдана, счастливо доживал свои дни в уютной гаражной клетке в саду. Одевшись, я приоткрыла заднюю дверь и выглянула наружу. Денек выдался погожий и теплый. Сквозь густую зелень яблонь на садовую дорожку едва процеживался солнечный свет. Прежде чем выйти из дома, я подняла взгляд к небу и коротко помолилась:

– Боженька, сделай так, чтобы сегодня меня не убили... И, если не сложно, помоги не разбить отцовский автокар! Ну, аминь!

Прижав к груди ридикюль, я пригнулась и опрометью бросилась через сад к гаражной клетке, доверху забитой разнообразным хламом. Длинный бледно-голубой автокар с горбатой крышей и выпуклыми крыльями, до глубины мотора потрясенный неожиданным вторжением, вытаращился на меня круглыми изумленными фарами.

Надо сказать, что разрешение на управление автокаром мне чистым чудом дали вместе с университетским дипломом, но с памятного дня сдачи экзамена в дорожной Ратуше в водительское кресло я ни разу не забиралась, даже чтобы просто посидеть. Утонув в глубоком сиденье, я вытянула шею, чтобы хотя бы что-нибудь разглядеть над баранкой, но отделанный черепашьям панцирем руль перекрыл половину лобового стекла с выщербленной лункой у дворников.

– Все будет хорошо, – свирепо пробормотала я и с нарастающей паникой уставилась на круглые окошки непонятных приборов.

Рычажок, заводящий мотор, отыскался совершенно случайно. Откровенно говоря, мне повезло неловко задеть его пальцем, и «Чайка» сварливо заворчала, подобно хриплой престарелой матроне, а в салоне запахло кисловатыми магическими испарениями.

С непривычки я излишне резко нажала на педаль газа. Взревев, точно раненый зверь, автокар вырвался из дверей клетки и, проскакав взбесившейся лягушкой по материнским кустам крыжовника, заглох. Вцепившись в руль мертвой хваткой, я таращилась прямо перед собой и почти не верила, что осталась жива.

– Все будет хорошо! Сегодня никто не умрет... – Я снова завела мотор. – А если умрет, точно не под колесами моего автокара.

Со второй попытки дело пошло куда как веселее. Я осторожно вырулила на подъездную дорожку, начисто уничтожив клумбу с цветущими тюльпанами, и направила автокар к спуску с холма. Проблемы начались на оживленном проспекте, где на мою голову посыпались визгливые сигналы. А кое-кто особенно нетерпимый даже высунулся из окна и покрутил

пальцем у виска, точно я сама не понимала, что на дороге веду себя не лучше пьяного гоблина, обвешанного магической взрывчаткой. Потом пришлось остановиться на запрещающем сигнале светового фонаря, и я поняла, что попала.

Когда глазок подмигнул зеленым светом, «Чайка» отказалась заводиться, а, заведясь, вдруг прыгнула назад, снова изобразив взбесившуюся лягушку. С силой ударив по педали тормоза, чудом удалось осадить остервенелую старушеницу и не протаранить автокар сзади. «Чайка» обиженно встряхнулась, пыхнула и затихла, словно разбитая параличом.

– Блин... – пробормотала я, испуганно заглядывая в зеркальце заднего вида. Сзади развеивалось огромное облако зеленого дыма.

Так и есть! Мы с отцовской посудиною едва не впечатались в блестящий и ужасно дорогой автокар, за рулем которого сидел ошарашенный паренек в кепке с длинным козырьком.

Некоторое время водитель приходил в себя, а когда выбрался на мостовую, первым делом проверил бампер. Я напряженно наблюдала за выражением его лица. Судя по тому, как парень выдохнул, корпус остался целехоньким. Однако когда водитель направился ко мне, я все-таки заблокировала дверь. От греха подальше.

Он несколько раз постучал в окно, вызывая меня на беседу. Было странно и глупо сидеть в салоне и делать вид, что я не заметила долговязой фигуры и не услышала стука. Ничего не оставалось, как изобразить широкую улыбку и опустить стекло. Впрочем, оно все равно застряло посередине окна.

– Не опускается, – чувствуя себя последней идиоткой, резюмировала я.

– Ты не ушиблась? – спросил парень, хотя по физиономии было видно, что он едва сдерживается, чтобы не узнать, какой же фейриненавистник продал мне разрешительную грамоту на езду по дорогам мирных городов.

– Спасибо, я в порядке. Как твой автокар?

– Пронесло, – хмыкнул он. – Думал, что ты мне половину передка снесешь.

– Я тоже...

Мы замолчали. Парень с любопытством разглядывал меня угольно-черными глазами, в которых терялся даже зрачок, и кривовато улыбался.

– Что-то еще? – Я изогнула брови, молчаливо намекая, что нам пора разъезжаться в разные стороны.

– Выходи.

– А?!

– Выходи, я подвезу тебя. Без обид, я с уважением отношусь к раритетам, но вряд ли твоя посудина доедет дальше соседней обочины. К тому же от твоей манеры вождения у меня скоро будет разрыв сердца! Не дай бог в кого-то въедешь, тогда мне...

Он осекся, словно вдруг догадался, что сболтнул лишнего. Мои внутренности завязались крепким узлом.

– Тогда тебе что? – тихо переспросила я и вдруг заметила маленькое тату на его запястье.

Рисунок был идентичен тому, который носил Богдан, и изображал четырехлистный клевер. Лично я не считала наличие символа хорошим знаком. Вместе с татуировкой у брата появились масса секретов, продолжительные командировки, куча денег и непонятные друзья.

– Птаха, зачем ты усложняешь мне жизнь? – простонал парень. – Просто поехали...

Мне стало страшно.

– Так это ты? – тихо произнесла я, глядя парню в черные глаза. – Ты вчера в меня стрелял?

– Не глупи, Птаха. Я не злодей.

– Если ты не отойдешь от автокара, я закричу.

Парень даже не подумал отодвинуться.

– Отойди, я тебя задавлю, – предупредила я.

– Если честно, то сильно сомневаюсь.

– Как хочешь...

Заведенная с полоборота «Чайка» натужно загудела, а когда я выжала тугую педаль скорости, взревела и с наскока, подпрыгнув, дернулась с места. Парень едва успел отскочить от бросившейся наутек посуды.

В людном холле «Веселены Прекрасной» меня, как всегда, встретили напольные часы с позолоченными острыми стрелками на белом циферблате. Безошибочно определив полдень, они загудели, наполнив здание гулкими басовитыми перекатами.

– Слушай, Истомин, перезвони мне немедленно! – бормотала я в коммуникатор, поднимаясь по мраморной лестнице на второй этаж. – Мне нечеловечески страшно. Везде мерещится этот с самострелом. Я даже угнала отцовскую «Чайку». Вокруг творится ужасное. Позвони через минуту и скажи, что я все придумала! Слышишь? Ну, все. Пока.

В приемной царила непривычная тишина. Красавица Лори в ослепительной ярко-красной блузке с деятельным видом стучала двумя пальцами по клавиатуре лэптопа. Опасливо покосившись на дубовую дверь в кабинет большого начальника, я прошмыгнула в коридор к своей рабочей камере. В длинном проходе не было ни души, только раздавались приглушенные голоса трудолюбивых клерков да звонки зеркальных коммуникаторов. Дверь в захлавленную комнатенку оказалась наглухо заперта. Пришлось вернуться в приемную к Лори, у которой хранились ключи.

– Истомина, – она подняла голову и скользнула по мне ленивым взглядом, – твой страшненький подходил... Ну, этот, в толстых очках...

– Здышко? – подсказала я.

– Ага. – Лори надула большой розовый пузырь из жевательной смолы.

– А где он сейчас? У начальника? – Я скосила глаза на дубовую дверь, и колени мелко задрожали.

– Не-а, – протянула секретарь, поправив блузочку. – На склад пошел. Сказал, чтобы ты присоединялась.

– Из-за крови пошел? – заговорщическим шепотом уточнила я, чувствуя себя аггелом перед повешением.

– Может, из-за крови, – встряхнула густой шевелюрой Лори, – но я думаю, по глупости. В твердой памяти в этот склеп никто не ползет!

– Придется ползть. – Тяжело вздохнув, я плюхнула на секретарский стол пальто и ридикюль: – Пусть у тебя побудут.

– Ладно. – Лори без интереса пожала плечами и пальчиком отодвинула мои вещи на самый край.

Пахнувший сыростью и землей склад затопил молочно-белый туман, густо стелившийся по каменному полу. Подвижные клубы скрывали нижние полки стеллажей и превращали подземелье в сказочную лабораторию сумасшедшего алхимика.

– Здышко! Ждана! – позвала я.

Эхо подхватило имена, разнесло их по бесконечному помещению. Ответа не последовало. Тишину нарушали лишь шорохи крыс и неясные шепотки. Никаких громогласных воплей большого начальника, от мощи которых раскачивались бы светильники, не звучало. Признаться, после тревожного звонка Здышко меня даже охватило необъяснимое разочарование.

Пугливо оглядываясь через плечо, я направилась к стеллажу, разгромленному нами накануне. В густом тумане не было видно ног, но под подошвами захрустели осколки. На полках по-прежнему лежали перевернутые пустые и разбитые бутылки. Похоже, никто здесь не удосужился прибраться...

Или погром еще не обнаружили.

Сердце подскочило к самому горлу. Недолго думая я развернулась и бросилась наутек сквозь туман. Однако выскочить из подземелья не удалось. Раздался громкий звук щелкнувшего рубильника, и склад погрузился во мрак.

Совершенно дезориентированная темнотой, я остановилась, закрутилась на месте и тут же заметила мелькнувшую между стеллажами тень, похожую на оживший клочок тьмы. Не успела опомниться, как полетела на пол от мощного толчка в спину. Секундой позже нечеловечески сильные руки схватили меня за футболку и резко вздернули на ноги. От неделикатного обращения тонкая ткань возмущенно затрещала.

– Отдай браслет! – прорычал глухой голос.

Противник отшвырнул меня, как котенка. Я врезалась плечом в стеллаж. Над головой истерично зазвенели сосуды.

– Чем тебя вчерашний не устроил? – простонала я и едва успела увернуться от нового удара.

Полки зашатались, сверху слетела банка. С оглушительным звоном стеклянный сосуд бухнулся на пол. В разные стороны брызнули осколки и лосьон. Влажный воздух приторно пах розами. Я толкнула нападающего. Рыча, темная фигура замотала руками, пытаясь сохранить равновесие. Неизвестный дал мне секундную фору, чтобы я успела прошмыгнуть в узкий проход между стеллажами и затаиться.

– Где ты? – прохрипел сиплый голос.

Стараясь не дышать, я сделала осторожный шаг.

– Я все равно найду тебя...

Нас разделил стеллаж. В тишине шуршал плащ, под чужой ногой захрустели стекла. Неожиданно прозвучал тихий хлопок, и темноту рассекла вспышка. Над моей головой разлетелись осколки бутылки.

Он стрелял!

Не желая получить боевой шар промеж бровей, я бросилась к выходу. Быстрее, быстрее, лишь бы добраться до тяжелой двери из конторского подземелья! Громыхнул новый выстрел, рядом взорвался очередной сосуд. Я прикрылась руками, и в кожу словно вонзилось жало злобной пчелки. Туман пах ментолом разбитого средства от насморка.

Не помня себя от страха, я вырвалась из подземелья и молнией взлетела по лестнице в людное фойе. Солнечный свет, заливавший просторное помещение, ударил по глазам. Почти ослепленная, я бросилась на улицу, но в дверях столкнулась с коллегами.

– У тебя кровь. – Ждана указала пальцем на глубокий порез на моей руке.

– Ты мне звонил? – набросилась я на Здышко, чей портфель зажало дверью.

– Ты сама нас в трапезную вызывала... – пропыхтел он, безуспешно дергая сумку.

Что и требовалось доказать! В подобную ловушку могла попасться только наивная идиотка! Круто развернувшись, я бросилась в приемную к Лори.

Эльфийка неохотно оторвала взгляд от экрана лэптопа и, одарив меня ленивым взглядом, резюмировала:

– Судя по всему, на складе случилась неприятность.

– Еще какая! – Я сгребла с секретарского стола свои вещи и неосторожно смахнула какие-то бумаги. Документы разлетелись по приемной, а вместе с ними по полу покатился браслет в виде грубой спирали с широкими завитками. Украшение завертелось волчком, а на меня напал паралич. Не веря собственным глазам, я таращилась на проклятое украшение, словно по взмаху волшебной палочки снова вернувшееся в карман моего пальто...

Или оно оттуда никуда не исчезало?

Получается, что не зря вчера Радка рыдала? По ошибке я действительно отдала ночному преследователю подарок поклонника сестры. Во рту вдруг пересохло, стало душно.

– Ой, а у моего дядьки был точно такой же браслет! – ни с того ни с сего заявила Лори.

Манерный голосок эльфийки звучал затухающим эхом. В голове раздавался тоненький звон.

Проклятье! Как же меня угораздило вляпаться в столь скверную историю?!

Пришло самое время просить о помощи.

Глава 4

Кому мне верить?

«Чайка» не завелась. Похоже, автокар, переживший гонку, несоизмеримую со внутренними ресурсами, впал в летаргический сон. Сидя в душном салоне, я тоскливо разглядывала площадь, окутанную атмосферой всеобщей любви и веселья. У гранитного изваяния кудрявого поэта фотографировались туристы. На бортиках фонтана, словно нежные голубки, сидели влюбленные парочки. Торопились по своим делам угрюмые клерки.

Еще вчера самой ужасной моей проблемой являлось опоздание на работу, а сегодня я, запуганная и израненная, пряталась в салоне угнанного у отца раритетного автокара и гадала, сумею ли дожить до завтрашнего утра. Порез, кое-как перевязанный платком, продолжал кровоточить. На белой ткани разрасталось алое пятно, а на кожаных сиденьях подсыхали бурые мазки. От жалости к самой себе на глаза навернулись слезы.

– Сегодня я точно не умру! – процедила со злостью и вылезла из салона. Длинная бледно-голубая «Чайка», заехавшая мощными передними колесами на тротуар, счастливо спала, ее мало волновала моя безопасность.

– Скоро встретимся, старушка, – пробормотала я и торопливой походкой направилась к подземным катакомбам, отмеченным тускло пульсирующей литерой «П».

Однако добраться до спасительных тоннелей мне не дали – у самой лестницы, ведущей в подземку, кто-то схватил меня за локоть сильными горячими пальцами. Недолго думая я размахнулась сумкой, чтобы отбиться от нападающего, и с изумлением обнаружила, что меня «пленил» знакомый черноглазый парень с татуировкой четырехлистного клевера на запястье. Он разглядывал замаранную кровью повязку с таким ужасом, словно у меня вместо руки болталась замотанная грязными бинтами культия.

– Эй, что ты с собой сделала?! – В голосе звучало неприкрытое возмущение. – Ты же всего на двадцать минут осталась одна, а уже поранилась?!

Никогда не видела, чтобы смуглый человек так сильно бледнел.

– Бог мой, да *он* убьет меня за эту проклятую царапину! – воскликнул парень.

От изумления я только беззвучно открыла рот, а потом все-таки выдавила:

– Мне больно.

– А? – Парень с такой проворностью отпустил мою руку, словно от нее било магическими разрядами. Воспользовавшись шансом, я прытко отскочила от чудаковатого преследователя и невольно покосилась в сторону темного тоннеля. Из подземелья сочился холод, доносился запах сырости.

Разгадав мои намерения дерзко сбежать, парень покачал головой:

– Птаха, не смей! Даже не думай туда спускаться! Это может быть очень опасно!

Я попятилась и крепче прижала к груди ридикюль, где в потайном кармашке лежал спрятанный браслет.

– Ладно. – Новый знакомый развел руками. – Ты только не психуй. Просто отдай мне настоящий браслет, и все закончится.

– Как закончится? – выпалила я. – Я отдам тебе браслет, а ты меня тут же попытаешься пристрелить, как сейчас на складе?

– Так в тебя стреляли?! – воскликнул он.

– А то ты не знаешь!

Неожиданный щелчок затвора фотоаппарата заставил нас оглянуться. Несколько туристов с жадным любопытством снимали на камеры громогласный скандал. Парень моментально опустил на глаза козырек кепки, прячась от объективов. Пока настырные зеваки отвлекали его внимание, я ринулась вниз по лестнице.

– Птаха, стой, дурында! – донесся до меня обиженный стон. – Стой! Это же опасно!

Я бросила быстрый взгляд через плечо. Парень семенил длинными ногами по высоким частым ступенькам, а чтобы не скатиться кубарем вниз, держался за влажные ледяные перила.

– Догони меня, умник! – в необъяснимом азарте выкрикнула я и, развернувшись, случайно влетела в неторопливую престарелую парочку троллей. – Простите...

– Мать божья!!! – донеслось следом. – Птаха, ты моей смерти хочешь!

Видимо, преследователь тоже в кого-то врезался, и облицованный грубым камнем тоннель взорвался многоголосыми ругательствами. Не давая себе передышки, я бежала по бесконечным тоннелям, светившимся зеленоватыми указателями. В душе бурлила злая радость.

Уйдя от погони, я воспрянула духом и в здание Ратуши, где мой отец отслужил тридцать лет в чине старшего стража, входила со стойкой убежденностью, что неприятности подошли к концу.

Надо сказать, что это была не первая, но и не последняя глупость, пришедшая мне в голову в ту безумную солнечную пятницу.

В холле Ратуши на высоком постаменте стояло изваяние богини правосудия, гневно и негостеприимно указывающей пальцем на входящих посетителей. Глаза закрывал морок алой ткани, в руке качался зыбкий образ весов с висящими на цепях чашами. Как мне помнилось с детства, цвет повязки менялся в зависимости от погоды на улице.

Я пропустила торопившихся к тяжелым дверям людей в форме и по широкой лестнице направилась в приемную, похожую на гудящий рой. В воздухе витал знакомый запах бумаг, без умолка трезвонили зеркальные коммуникаторы. На стене гримасничали портреты разыскиваемых преступников. Их головы на картинках разворачивались то в профиль, то в фас, скалились и глумливо подмигивали. Посреди зала висел морок проекции города, в мельчайших подробностях повторявший даже крошечные нюансы улиц и зданий. На карте пульсировали зеленые точки-звездочки, указывающие местонахождение патрульных автокаров.

Рабочее место, в течение тридцати лет принадлежавшее отцу, занимал незнакомый усатый страж, уткнувшийся носом в утренний газетный листок и внешне нечувствительный к царящему вокруг переполоху. У папы на столе всегда был идеальный порядок, и стояла семейная фотография. Помнится, нас щелкнули как раз в тот момент, когда Богдан дернул меня за длинную косу, мама уронила Радку, еще представлявшую собой орущий сверток, а под папой сломался стул. В общем, на том неудачном снимке мы бесконечно падали, вставали и садились. У стража, заменившего отца, вместо фотографий стояла полная окурков пепельница.

Из растерянности меня вывел гнусавый тенорок:

– Добро пожаловать!

На лавочке, прикованный к резной ножке длинной цепью, сидел плюгавенький гоблин с

подвижными острыми ушами. Он важно закинул одну ногу на другую, открыв полосатые гетры.

– По делу к нам или же так... для развлечения?

Не вступая в беседу с криминальным элементом, я направилась к стойке, отгораживающей приемную от рабочей зоны. Над столешницей виднелась огненно-рыжая макушка с пережженными магической завивкой тугими кудельками.

– Здравствуйте! – позвала я и, не дождавшись никакой реакции, постучала ладонью по визгливому звонку.

Оператор никак не отреагировала на внешний раздражитель и продолжила что-то бубнить в трубку коммуникатора. Хотелось верить, что она принимала вызов, а не трепалась за жизнь с подружкой.

Гоблин вдруг заорал скабрезную частушку, и только нахальство арестанта заставило женщину прервать разговор.

– Молчать! – рявкнул она, потрясая в воздухе трубкой.

– Здрасьте!

Накрашенные синими тенями глаза сфокусировались на моем лице.

– Меня пытались убить! – завладев вниманием блюстительницы порядка, выпалила я.

– Когда?

– Только что. Вернее... – Для точности я проверила наручные часы. – Полчаса назад.

Последовавшая пауза тянулась так долго, что выглядела просто неприличной. Взгляд женщины остановился на моих перепачканных руках, исследовал окровавленную повязку.

– Имя, – наконец спросила женщина.

– Я, знаете ли, забыла спросить, когда он в меня стрелял, – отчего-то злясь, процедила в ответ.

– Ваше имя.

– Истомина Веда Владимировна.

Не спуская с меня пристального взгляда, женщина набрала на зеркале коммуникатора какой-то номер. Видимо, абонент не торопился ответить, и, теряя терпение, она закатила к потолку глаза.

– У меня тут случай номер девять, – наконец, заявила дежурная, потом снова бросила на меня изучающий взгляд. – Стоит нормально, не шатается. Даже своими ногами пришла...

Закончив разговор, женщина кивнула в сторону лавки и предложила:

– Присядьте.

– С ним? – для чего-то спросила я, воззрившись на гостеприимно осклабившегося гоблина, хотя было очевидно, что других лавочек, стульев или простых табуреток в приемной нет.

– Тогда постоит, – тут же согласилась собеседница и немедленно спряталась за высокой стойкой. Мол, помогла, чем могла, не обессудьте, милая барышня.

Чувствуя себя сиротой, я подпирала стенку и ждала, когда обо мне вспомнят. Радовало только одно – в Ратуше мне точно ничего не грозило.

Через некоторое время, когда от долгого стояния у меня заныла спина, кто-то выкрикнул:

– Номер девять!

Меня проводили к усатому стражу, унаследовавшему отцовский рабочий стол. Я плюхнулась на стул, пристроила на коленях ридикюль и устала на усача большими

несчастливыми глазами. Последовала долгая пауза. Собеседник с тоской поглядывал на пепельницу с окурками и мечтал закурить, видимо, желая подкрепить нервную систему, чьей безопасности угрожала встреча со мной.

– Итак? – спросил он, намекая, что пора бы переходить к сути проблемы.

– А что значит «номер девять»? – капитулируя перед любопытством, выпалила я, хотя подозревала правильный ответ.

– Дамочка, утверждающая, что на нее охотятся с самострелом.

– Угу, – кивнула в ответ. – Значит, к моему огромному сожалению, я случай под каким-то другим номером, потому что меня действительно пытались убить.

– Я вам верю, – согласился страж. – Это все?

– Нет, не все.

На мое заявление ответили печальным вздохом. Я отвернулась к окну. Через сомкнутые полоски тканевых жалюзи пробивались солнечные лучи.

– Вы ведь знаете о вчерашнем инциденте на станции «Отрадное» в подземке? Там сотрудник Исторического музея Ерш Цветков упал под поезд. – Я внимательно посмотрела на замершего стража. – Или его убили.

– И теперь вам кажется, что вас тоже хотят убить? – с понимающей улыбкой уточнил мужчина.

– Так и есть, – кивнула я, прекрасно осознавая, что он принимает меня за чокнутую, у которой из-за чужой гибели, в красках описанной во вчерашних новостных колонках, громко щелкнуло в голове. – Просто, прежде чем попасть под поезд, он подложил мне в карман украшение, за которым, кажется, гоняется целый город.

Я вытащила браслет из сумки.

– Вчера ко мне в дом забрался наемник, а сегодня меня пытались подстрелить. Все еще считаете меня номером девять?

У стража медленно вытянулось лицо.

– Заберете? – Я протянула украшение, но, к моему изумлению, взрослый, мощный телом мужчина вдруг отпрянул от побрякушки, как если бы она была смертельным магическим разрядом.

– Госпожа Истомина, оставайтесь на месте! – приказал он и вскочил со стула.

Если этот страж не вел себя странно, тогда я просто не знаю, что значит слово «странности».

Мужчина принялся куда-то звонить с персонального коммуникатора, потом что-то страстно говорил в трубку и не спускал с меня недоброго взгляда, точно боялся потерять из поля зрения. У меня в голове затрезвонил тревожный звоночек.

Из Ратуши надо было уходить!

Едва блюститель порядка повернулся ко мне спиной, я тут же поднялась и, внешне сохраняя совершенное спокойствие, направилась во внутренний коридор.

– Дамочка, стойте! – послышался возглас стража.

– Мне надо в туалет! – повернувшись, с улыбкой абсолютной идиотки заявила я.

Он двинулся в мою сторону, но я уже выскочила из зала. Хлопали двери, переговаривались люди. Я позволила себе оглянуться, боясь обнаружить погоню, и тут же со всего маху врезалась в высокую девушку в форме. Браслет выпал из рук.

Мы одновременно нагнулись за украшением, но я оказалась быстрее. Сцапав безделушку, с нервной улыбкой пояснила:

– Все время с руки спадает.

Уже на ходу, от греха подальше, я надела браслет на руку. Кисть легко прошла через широковатую спираль, болтавшуюся на моем тонком запястье. И тут украшение завертелось, стремительно сузилось и неожиданно плотно обхватило руку.

– Твою ж бижутерию! – вырвалось у меня.

Серебряные кромки продолжили стягиваться. Остановившись, я в ужасе попыталась сдернуть странный браслет, но не тут-то было! На коже выступила кровь, а спираль продолжала вгрызаться в плоть. Руку свело от резкой боли.

– Госпожа Истомина! – позвали меня по имени.

Ко мне приближался усатый страж. Без колебаний я бросилась наутек. Выскочила во двор, заменявший стоянку, и нырнула за первый попавшийся автокар. От боли реальность подернулась дымкой. Точно во сне я проследила, как преследователь выскочил из здания и бросился к запруженной людьми площади. Пространство сотрясало от громовых раскатов, и налитое свинцовой тяжестью небо через миг обрушилось стеной дождя.

– Богдан, привет! – Запершись в маленькой будке городского коммуникатора, я стучала зубами от холода.

Ливень не прекращался, барабанил по крыше, стекал по стеклянным стенкам будки. Промокшая одежда неприятно льнула к телу, никак не получалось согреться. Левая рука с браслетом горела, кожа возле вросших в запястье кромок покраснела и воспалилась. От одного взгляда на украшение к горлу подступал тошнотворный комок.

– Слушай, – нашептывала я брату последнее послание, – через двадцать минут буду у тебя. В родительском коттедже меня точно легко найдут, твоего адреса даже отец не знает. В общем, я у тебя переночую, а утром уеду к тетке в Бериславль и спрячусь на пару седмиц. Отпуск по телефону оформлю. Думаю, стражи смогут обнаружить меня через магическую связь, поэтому коммуникатор выбрасываю. Давай, Истомин, счастливо оставаться. Не теряй меня.

Кривая трещина на погасшем зеркале аппарата прошла аккурат поперек моего отражения с лихорадочно горящими глазами. Отключив коммуникатор, я пристроила его на полочку под толстенный справочник с номерами.

На большом зеркальном полотне городского аппарата с отпечатками многочисленных пальцев подмигивала надпись: «Бросьте монету». Сняв трубку, отчего зажглись крупные квадратные цифры, я сунула в щель алтын и быстро набрала отцовский номер. Зеркало заребрило, резко проявилось нечеткое отражение папаниного лица. Он сидел на нижней полке в маленьком купе и выглядел крайне удрученным.

– Привет, пап.

– Ты чего такая мокрая? – сварливо отозвался тот. Послышались визгливый Радкин вопль и бормотание мамы Ярославы, вероятно, снова учившей уму-разуму нерадивое чадо.

– Я под дождь попала. Слушай, звоню сказать, что я завтра к вам в Бериславль выезжаю. – После моих слов в купе стало подозрительно тихо. – И еще у меня коммуникатор украли в подземке...

Тут связь без предупреждения прервалась. Вспыхнув на долю секунды, зеркало стало черным. Я повесила трубку и прижалась горящим лбом к холодному стеклу. Пути назад не было.

В чувство меня привел резкий стук в дверь. Высокий тролль, затянутый в желтый

дождевик, тыкал в наручные часы и требовал освободить место в коммуникаторной будке. Подхватив ридикюль, я выбралась под несколько ослабевший, но еще моросивший дождь.

– Эй, девушка, – окликнул меня тролль. – Это вы забыли?

Он покрутил в больших зеленых пальцах оставленный коммуникатор с трещиной посреди зеркала.

– Нет, – не раздумывая, отозвалась я.

От родителей Богдан уехал три года назад, и его крошечная квартирка в центре города казалась мне пределом мечтаний. Правда, с тех пор старший брат начал вести очень странную жизнь. То исчезал на долгие седмицы, то звонил в тревоге каждые пять минут, и еще у него появилась татуировка четырехлистного клевера.

Пройдя через каменную арку, я попала в тихий крошечный дворик, куда выходило несколько дверей частных квартир. Стены домов, тесно примыкавших друг к другу, скрывали набравшие силу побеги хмеля.

Из почтового ящика Богдана высовывалась пачка счетов, а не помещавшиеся газетные листки разносчик уже складывал на каменное крылечко. Теперь выросшая за несколько дней пачка превратилась в мокрое месиво.

Запасной ключ был спрятан под глиняным цветочным горшком с засохшим черенком чайной розы. Стараясь не шуметь, я поднялась по скрипучей деревянной лестнице в квартиру брата и отперла дверь.

В комнатах стояли невероятная тишина и духота.

– Истомин? – позвала я, с удивлением разглядывая царящий вокруг бардак.

Вообще-то Богдан являлся редкостным чистюлей, и беспорядок в доме настораживал. Спальня была перевернута вверх дном, кровать разобрана. На столе стояли грязные чашки. Я сделала несколько осторожных шагов и невольно посмотрела в огромное окно с раскрытыми портьерами, откуда виднелся соседний дом...

Вдруг пространство разрезал ярко-зеленый луч. Мгновением позже окно разлетелось тысячью осколков. Я плюхнулась животом на пол и кое-как отползла за диван, а в квартире началось светопреставление.

Неизвестные расстреливали дом. Разрываясь ослепительными вспышками, боевые шары вспарывали побелку на стене, превращали в решето диван. Из разодранных подушек вылетали клоки набивки. В воздухе клубились пыль, перья, какие-то лоскуты, непереносимо пахло кисловатой боевой магией. Что-то горячее царапнуло голень, и я в панике подтянула колени к подбородку.

Тишина наступила неожиданно и напугала сильнее выстрелов. Закусив губу, чтобы не разреветься, я пошевелилась и хотела высунуться из-за дивана...

– Лежи! – раздался короткий приказ, а в следующий момент комнату озарила новая вспышка.

Оглушительный грохот наполнил дом. Маленький столик от силы огненного удара шарахнулся о потолок. Квартирка наполнилась дымом и гарью. От паники я едва не вскочила на ноги, но вдруг оказалась пригвожденной к полу. Кто-то прижался ко мне горячим телом, прикрыл голову руками. Я задергалась.

– Не шевелись, – раздалось над самым ухом. Горячая ладонь закрыла мне рот, заставив проглотить рыдания.

Шары летели и летели в сумасшедшей пляске, а мужчина все сильнее прижимал меня к себе. Разгромленная квартира превращалась в фарш из побелки, осколков стекол и щепок.

Все подернулось дымкой. Я вцепилась руками в запястье неизвестного и сфокусировалась на татуировке четырехлистного клевера.

Снова стало тихо. Хватка ослабела. Мужчина откатился, и я сумела разглядеть своего спасителя. На голову до бровей была натянута вязаная шапочка. Угольно-черные глаза внимательно изучали украшение на моей руке.

– Ясно, – сдержанно произнес он.

Я не поняла, как в следующую секунду оказалась на ногах.

– Пригнись!

Горячая ладонь легла на мой взлохмаченный затылок, с силой заставив согнуться в три погибели.

Уже у порога я ощутила резкий толчок в спину, спасший меня от смертоносного боевого шарика. Каменные ступени крутой лестницы оказались у самого носа. Я даже не почувствовала боли от падения, просто все стало безразлично, и наступила невероятная темнота...

Глава 5

Враг мой, ты друг мой?

Этот кошмар никак не хотел заканчиваться. Казалось, что кто-то нес меня на руках, потом будто бы осторожно уложил на заднее сиденье автокара, и вокруг запахло дорогой кожей салона. В голове звенело, все время навязчиво звучали раздражающие разговоры на чужом языке. За затемненным стеклом плыли бесконечные поля.

В том же причудливом странном сне я согнулась на обочине дороги. Колени подгибались, желудок выворачивало наизнанку. А мужчина с пронзительно-черными глазами, деликатно отвернувшись, сидел за рулем и терпеливо ждал, когда мне полегчает.

В конце концов привиделось, что мы плыли по хорошо укатанной дороге, и прекрасный замок, один из прежних родовых гнезд магов-аристократов, будто бы парил на фоне серого дождливого неба. Кружение никак не останавливалось. Меня разворачивало по спирали, уносило в глубокую воронку...

Я дернулась и резко открыла глаза.

Голова не просто болела, прямо-таки раскалывалась. Взгляд остановился на темном окне. По стеклу змеились струйки дождя, по крыше гулко барабанило. Просачиваясь через щель, капли скользили по деревянной балке и звонко падали в подставленную лохань. Под потолком плыл неяркий магический шар, почти не справлявшийся с ночной теменью.

Я застонала, потеряла виски и замерла от неожиданного открытия. Руку с браслетом кто-то аккуратно забинтовал! Испуганно приподнявшись на локтях, я поняла, что лежу в высохшей измятой одежде на большой кровати с неустойчиво-плывущим матрасом. Ботинки валялись на полу. Через распахнутую дверь доносились голоса.

– Она не похожа на мага, – произнес смутно знакомый мужской голос.

– Она обманула браслет, – ответил басовитый грассирующий баритон.

– Как можно обмануть артефакт черной магии?

– Можно. Она, скорее всего, приняла какой-нибудь магический энергетик, – предположил второй.

– Вино с драконьей кровью и корнем золотого женишеня? Говорят, что от такого коктейля башню сносит.

В голове так шумело, что никак не получалось уловить суть рассуждений. Они что-то упоминали про энергетики для магов. Где логика? Такие препараты в лавке простого травника не купить. Женишень считался страшной контрабандой. К примеру, за провоз чудодейственного корня даже срок давали – от пяти до пятнадцати лет. Знала наверняка – отец рассказывал.

– Судя по всему, здесь парой капель не обошлось! – вступил в обсуждение женский фальцет. – Она должна была сделать приличный глоток, чтобы браслет принял ее за мага! Поздравляю, нам попалась наркоманка!

– Может, она приняла душ из драконьей крови?

Драконья кровь! Получается, если бы я не влипла в гнусную историю с уничтоженной драконьей кровью, то и браслет никогда не сумела бы надеть! Проклятье, почему удачная седмица должна заканчиваться так паршиво?!

– Маловероятно, – отозвался грассирующий. – Последний дракон умер от старости в

городском зоопарке зимой семьдесят третьего года после Объединения.

– И что теперь нам *с этим* делать? – фыркнула женщина.

– Есть вариант – отпилить ей руку, – хохотнул первый, вероятно, решив, что отлично пошутил.

– Или же пристрелить! – предложила кровожадная дама. – Сразу решили бы много проблем.

– Свечка, ты бы поосторожнее со словами! – посоветовал хохмач. – Шутки шутками, но Ратмир ее вытащил из-под боевых шаров.

Стараясь оставаться бесшумной, я спустила ноги на пол и кое-как натянула еще влажные ботинки.

– По мне, так лучше бы не вытаскивал, – фыркнула женщина. – Герой доморощенный!

На цыпочках я выбралась из комнатенки и оказалась в узком коридорчике с окном. У стены стояло потрепанное кресло с матерчатой сумкой. Без колебаний я проверила торбу и среди многочисленных женских мелочей обнаружила небольшой самострел с костяной ручкой, называемый «дамским». Со времен Мировой войны магическое оружие сильно преобразилось, а арбалеты превратились в небольшие шутовины с гладкими стволами, которые легко было скрыть под одеждой.

Я коротко выдохнула и одним широким шагом, вытянув в двух руках самострел, вышла из-за перегородки. Для всех, кто находился в большом зале, залитом приглушенным светом, в том числе и для меня, это был шок.

Помещение оказалось пугающе огромным. За узкой стойкой на высоком стуле сидела темноволосая худошавая женщина, от изумления она не донесла до рта кружку, так и замерла с поднятой рукой.

Знакомый парень в кепке с длинным козырьком был явно восхищен моей дерзостью. Он прикрыл крышку ноутбука и скрестил руки на груди, словно бы с нетерпением ожидал продолжения шоу.

И только бородатый толстячок, наряженный в белый халат поверх мешковатого свитера, при виде оружия поднял руки вверх. По крайней мере, он выглядел хотя бы немного испуганным.

От тишины звенело в ушах.

– Тебе идет самострел, – прервал молчание парень, намекая, что его совершенно не впечатлила несанкционированная демонстрация силы.

– Полагаешь? – резко произнесла я, давая понять, что не настроена веселиться.

Толстячок вдруг дернулся в мою сторону, но был остановлен коротким приказом:

– Не шевелись!

– Слушай, Птаха, или как тебя там... – процедила женщина и с решительным видом попыталась подняться.

– Сиди на месте, или я выстрелю! – немедленно предупредила я, вовсе не уверенная в том, что смогу нажать на курок. К тому же руки уже ныли от тяжести самострела.

– Попадешь? – Парень в кепке от всей души веселился. Отчего-то казалось, что прямо сейчас его скрутит от ехидного хохота.

– Твое имя Стриж? – грубо спросила я, и тот, явно развлекаясь, согласно кивнул. – Хочешь проверить, Стриж?

– Не сегодня.

– Превосходно. – Держа троицу на мушке, я стала медленно продвигаться к выходу. –

В таком случае, я уйду! Не двигайтесь! Мне бы очень не хотелось стрелять!

Угроза даже со стороны прозвучала серьезно. Мне не ответили. Они явно приняли меня за безумную и не хотели мешать, видимо, боялись, что я психану и стану палить в разные стороны, а потому напряженно следили за каждым нервным движением.

Внезапно холодное дуло чужого оружия уперлось в затылок, и меня охватил паралич.

— Бах! — сказали над самым ухом спокойным голосом. — Давай-ка это мне...

Секундой позже в поле зрения появилась большая смуглая рука. Мужчина осторожно вытащил самострел из моих одеревеневших от напряжения пальцев, и троица облегченно перевела дыхание.

Выволокший меня из-под обстрела незнакомец, которого, если верить долговязому Стрижу, звали Ратмиром, подошел к стойке, небрежно швырнул оба самострела на столешницу. Грохот скрипичным смычком ударил по струнам моих натянутых нервов.

Свечка неодобрительно покачала головой:

— Ветров, ты слишком просто относишься к оружию! — И как ни в чем не бывало продолжила чаепитие.

Проигнорировав дамское ворчанье, мужчина раскрыл лэптоп и принялся щелкать вспыхивающей от каждого прикосновения клавиатурой. Стриж внимательно наблюдал за тем, что происходит на мониторе. Вытащив из кармана халата замусоленный носовой платок, толстячок обтер вспотевшую шею и, ворча что-то под нос, вернулся к лабораторному столу.

А я стояла посреди зала и чувствовала себя последней идиоткой.

— Ты куда шла? — Наконец, мой спаситель оторвал взор от лэптопа.

Я дернула плечом.

— Ты хотела уйти отсюда? Ну, так давай, иди. — Он кивнул в сторону выхода. — Здесь тебя никто не держит.

Как-то неожиданно все с наигранным энтузиазмом занялись собственными делами. Свечка уже выудила из кармана маленький зеркальный коммуникатор. Бородач с усердием пытался освободить из зажима дымившуюся мензурку, и только Стриж наблюдал за тем, как яотреагирую на внезапную вольную, откровенно говоря, больше напоминавшую пинок под зад.

— Не уходишь? — Ратмир изогнул черные брови.

— Рат, да ладно тебе, — наконец вымолвил со снисходительной улыбкой Стриж.

Только сейчас я заметила, как оба похожи. Смуглая кожа, одинаковый разрез неестественно темных глаз с черными ресницами и бровями, высокие скулы, прямые носы. Эти двое определенно приходились друг другу братьями. Только у мальчишки губы были пухлее, скорее, напоминали девичьи, да и ростом он походил на пожарную каланчу.

— Вперед, — бесстрастно подгонял меня Ратмир. — Ты свободна. От тебя больше шума, чем толку.

— Спасибо, — для чего-то поблагодарила я, резко развернулась и бросилась в холодную темноту.

На каменных стенах широченного коридора блестели рисунки. По крыше барабанил дождь. По лестнице со сбитыми ступенями и ржавыми металлическими перилами я быстро спустилась на первый этаж.

На темной улице лило как из ведра. Световой шар волновался в стеклянном колпаке, по блестящим лужам плыли желтые круги. На размокшей глинистой дороге стоял

скособоченный спортивный автокар. Казалось, что его бросили в огромной спешке. У самого входа был аккуратно припаркован огромный вездеход.

Дождевая завеса скрывала окрестности, но походило на то, что меня привезли на одну из заброшенных мануфактур, во множестве ветшавших за городской стеной. Я с тоской уставилась вдаль и внутренне смирилась с очередным унижением.

Какая, к проклятым аггелам, свобода, если идти все равно некуда?

Постояв для вида еще пару минут и окончательно продрогнув, я вернулась в здание. Эхо сердитых шагов разнеслось по пустым цехам. После дождливой улицы огромный зал показался на удивление уютным, да и воздух там пах чем-то съедобным, отчего жалобно заурчал пустой желудок.

Сделав вид, будто не заметила ехидный взгляд Стрижа, я пересекла цех. Ратмир даже не пожелал поднять взгляд от экрана ноутбука, спокойно отхлебнул чего-то горячего из дымившейся чашки, а потом произнес, словно обращаясь в пустоту:

– К оружию не прикасайся.

Горделиво вздернув подбородок, я спряталась в комнатухе и, прежде чем шибануть дверью, услышала веселый возглас его младшего братца:

– Она продержалась ровно три минуты.

После пережитого позора я бы не вышла в зал даже ради ужина из трех блюд, но естественные потребности и необходимость посетить известное место пересилили стыд. Терпеть больше было просто невозможно. Положение усугубляла звонкая дождевая капель, падающая в подставленную под потолочную балку лохань, и я наплевала на гордость.

Хотелось выйти из каморки, по-тихому метнуться в туалет и незаметно вернуться обратно, но проклятая дверь закрипела так истошно, что мои тайные намерения выйти из добровольного заточения стали явными и известными всем без исключения.

Когда с самым независимым видом я появилась в зале, обнаружила только Стрижа, по-прежнему восседавшего за ноутбуком. Брюнетка, видимо, уехала из мануфактуры. Куда-то исчез бородач Док. Местонахождение Ратмира меня не интересовало. Ладно, интересовало, но узнать про туалет хотелось больше.

Стриж поднял голову. Некоторое время мы разглядывали друг друга. Пауза становилась неприличной. Постеснявшись спросить, где в мануфактуре заветная комнатенка, я прошагала мимо парня и толкнула первую попавшуюся дверь. За ней пряталось еще одно жилое помещение, превращенное в лабораторию.

Цех утопал в полумраке, но над одним из столов светился крохотный шар. Док что-то изучал через странную штуковину, скрывавшую половину лица. Ученый недоуменно поднял всклокоченную голову и глянул на меня сквозь огромные диоптрии, делавшие его глаза непропорционально огромными.

– Простите, – смутилась я и немедленно захлопнула дверь.

– Ты можешь спросить у меня, – предложил Стриж.

– Где он? – не оглянувшись, выпалила я.

– Смотря что ты ищешь... – Парень определенно понимал причину моего появления в зале, но, видимо, хотел развлечься.

– А то ты не понимаешь. Где туалет?!

– Направо.

– Спасибо.

– Не перепутай с душем.

– Уж твоими молитвами... – процедила я и решительно направилась в указанную сторону.

Завернув за угол, толкнула дверь и остолбенела, осознав, что, как и предсказывал насмешник Стриж, вломилась в ванную комнату... занятую Ратмиром.

Обнаженный по пояс, с влажными волосами, в приспущенных на бедра штанах, он стоял лицом к зеркалу. Широкую мускулистую спину обезображивал огромный ожог в виде пятиконечной звезды, заключенной в круг. Чтобы узнать печать, перекрывающую природную магию аггелов, академические знания не требовались.

Попятившись спиной в коридор, я с трудом отвела ошарашенный взгляд от пентаграммы и в отражении запотевшего зеркала встретила глазами с Ратмиром. Его зрачки были разного цвета.

– У тебя один глаз... желтый.

В гробовом молчании мужчина развернулся и, заставив поспешно отпрянуть, с треском захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

Опрометью я бросилась в зал.

– Удачно? – с глумливой улыбочкой фыркнул через плечо Стриж и вжал голову в плечи, когда я ловко сдернула с него кепку. – Птаха, ты чего?

Из-под темно-каштановых вихров торчали черные рожки, гладкие и полукруглые. Парень взлохматил волосы рукой и недоуменно изогнул брови. Мол, блаженная, чем тебе шапка не угодила? Мы в заброшенной мануфактуре, а не в храме.

Некоторое время я таращилась на доказательство того, что застряла в заброшенных мануфактурах вместе с двумя аггелами, а потом до жути спокойным голосом спросила:

– Вы – они?

– Ты поэтому выглядишь ошарашенной? – рассмеялся Стриж и, ловко выхватив у меня кепку, водрузил обратно на макушку.

– С ума сойти! Вы же так похожи на людей! Проклятье! Вы выглядите совсем как люди!

– Но мы не совсем люди? – окончательно развеселился парень.

– Вот именно!!! Как я умудрилась вляпаться в историю, связанную с аггелами?!

– Ты сейчас у меня спрашиваешь? – не понял он.

– Похоже, мой юный друг, это был риторический вопрос, – появился из лаборатории заинтригованный бородач, видимо, желавший узнать, что за очередной переполох устроила нервная пленница.

– Да вы надо мной издеваетесь! – охнула я и вдруг почувствовала, что поперек горла встал горький комок. Еще не хватало расплакаться на глазах у совершенно незнакомых мужиков! Сама от себя этого не ожидала, но я шмыгнула носом.

– Док, слушай, это и есть женская истерика? – с любопытством уточнил Стриж у приятеля, указав на меня пальцем.

– Определенно. – Тот поправил очки на носу.

– Надо же, никогда не видел ничего подобного...

– Ведушка, может, тебе валерьяночки накапать? – дружелюбно предложил лекарь.

Мне очень хотелось подробно объяснить, куда именно они могут засунуть свою валерьянку, но и ученый и аггел уже потеряли ко мне всякий интерес, предоставив возможность беситься сколько душевнике угодно, но без их участия.

– Валерьяночки, значит? Я... – Я резко выдохнула, стараясь побороть злые слезы.

– Что ты? – прозвучал глубокий голос Ратмира, появившегося из ванной.

Влажные волосы открывали маленькие рожки, а глаза снова радовали угольной чернотой. Видимо, чтобы замаскировать природный желтый цвет радужки, аггелы пользовались специальными магическими каплями.

– Я пошла!

– В туалет? – любезно подсказал Стриж, даже не пытавшийся скрыть ехидной улыбки.

– К себе! – рывкнула я и тут же направилась в холодную тесную комнатку, хотя погибала от желания справить естественную нужду.

– Веда, мы с Ратмиром уходим! – раздался под дверью голос Стрижа. – Так что путь в туалет свободен и безопасен!

Тихо застонав, я перевернулась на кровати, отчего заколыхался водяной матрас, и плюхнула на голову подушку. Из-за учиненной сцены мне хотелось провалиться под землю. Весь долгий день я вела себя как истеричка с многолетним стажем, а в финале превзошла саму себя и обвинила аггелов, спасших мне жизнь, в том, что они аггелы. Стыд, да и только!

Ну... и в дамскую хотелось очень сильно.

Выдержав еще некоторое время, я соскочила с кровати, натянула ботинки и опрометью бросилась из комнатенки. Утопающий в потемках зал действительно оказался пуст. От сквозняка под потолком беспорядочно сталкивались потухшие световые шары, а из-под двери в лабораторию пробивалась тоненькая полоска яркого света. Не останавливаясь, я понеслась в уборную...

...Прежде чем войти в лабораторию, я деликатно постучалась и только потом заглянула в дверь.

– Док?

– Иди сюда, Ведушка, – мягким грассирующим голосом позвал профессор.

В дальнем углу помещения нашлась импровизированная кухонька. На маленькой плитке в металлической кастрюльке бурлило какое-то варево. Док, по-прежнему одетый в замусоленный халат, напряженно отмерял в столовую ложку капли из закопченной пробирки.

– Что ты делаешь? – полюбопытствовала я.

– Готовлю тыквенный суп. – Док торжественно перелил содержимое ложки в кипящую кастрюлю, и варево стало стремительно густеть, приобретая зеленовато-охристый цвет.

– Тыквенный суп без тыквы? – Я втянула носом пахнущий кисловатой магией дымок. – В магических лавках продают концентраты супов?

– Это мое собственное изобретение, – с гордостью в голосе заявил Док, беспрестанно перемешивая варево ложкой.

– Ты ведун?

– Ах, если бы! – Судя по довольной улыбке, мои слова он принял за комплимент. – Я просто умею пользоваться всеми благами магической цивилизации.

Несмотря на то что в нашем мире почти не осталось настоящих магов, источники природной магии практически иссякли, а от выдающихся родителей, управлявших миром, детям доставались лишь крохи волшебных сил, колдовство витало повсюду. Его запах окутывал города, да и в магических лавках продавалась куча необходимых в быту мелочей.

Следя за тем, как Док любовно дул на ложку, намереваясь снять пробу с кулинарного изыска, я попросила:

– Мне надо связаться с родителями. Я собиралась завтра ехать в Бериславль, они с ума сойдут, если я не объявлюсь на вокзале. Ты можешь мне дать коммуникатор?

– Прости, Ведушка, но Ратмир запретил тебе куда-либо звонить. – Профессор с сожалением пожал плечами. – Сигнал могут поймать, и нас раскроют.

– Ну и отлично! – вдруг разозлилась я. – Тогда я поехала отсюда! Ваш Ратмир сказал, что я могу уйти, когда захочу!

Снисходительная гримаса Дока говорила о многом.

– Хорошо, ты прав. – Мне оставалось объявить полную капитуляцию и стать послушной девочкой. – Конечно, я никуда не уйду.

– Вот и умница. – Док улыбнулся и протянул ложку. – Хочешь попробовать?

С подозрением изучив оранжевую жижу, я покачала головой:

– Ты первый.

Бородач вытянул губы трубочкой и втянул в себя супчик. Мгновением позже беднягу заметно перекосило от отвращения.

– Нужно солюшки добавить, – резюмировал он и тут же полез в навесной шкаф, заставленный разношерстными банками со специями. Потом с видом виртуоза принялся добавлять соль в кастрюлю.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Автокар (сокр. автокарета) – самоходное безрельсовое транспортное средство, предназначенное для передвижения по поверхности земли. Первый образец автокара появился в 1769 г. Он представлял собой экипаж с механическим устройством и рулевым колесом и назывался «малая телега». Современные автокары являются не только средством передвижения, но также и предметом роскоши. Первым производство автокаров поставил на поток концерн «Чайка» в городе Валховойске. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Аггелы – национальное меньшинство. Основное наречие вплоть до 1912 г. – латынь. Единственная раса, обладающая способностью использовать природную магию. В отличие от людских магов, не могут творить колдовство, но под действием природных сил перекидываются в зверей. По особому указу Мирового магического совета с 1915 г. всех аггелов, достигших десятилетнего возраста, клеймят особой печатью, перекрывающей магические способности.

Ручное короткоствольное оружие, предназначенное для ведения боя на короткой дистанции с помощью боевых шаров. Боевой шар – это поражающий элемент стрелкового оружия. Состоит из круглой стеклянной оболочки, заполненной боевым заклинанием. При попадании взрывается, поражая цель.